

Лилия Подгайская

ДОРОГА НА СЕВЕР

Замок Тезак-Кастл

Книга 1

Жестокая судьба согнала Валу де Плешар, дочь простого рыцаря, с родного уэльского приграничья и заставила её, преследуемую ищейками наследного принца, пройти долгий и трудный путь через всю страну до самой шотландской границы. Но здесь, в суровом замке Лейк-Касл, владении рыцаря Ричарда Лорэла, молодая женщина обрела дом, любовь и семейное счастье, а потеряв горячо любимого мужа, сама вырастила их сына, следующего владельца замка над синим озером.

Лилия Подгайская ДОРОГА НА СЕВЕР

Пролог

*Западная Англия,
Уэльское приграничье,
1125 год*

Рыцарь Оуэн де Плешар беспомощно смотрел, как жизнь покидает тело его любимой жены Нады. Она истекала кровью, родив хорошую, крепкую девочку. Рядом горько рыдала её верная служанка Огла, вскормившая Наду собственной грудью и вырастившая её. Священник ещё не прибыл в их отдалённое поместье, хотя за ним послали утром. Сейчас солнце клонилось к закату, августовский день был на исходе, а в имени царили тревога, уныние и печаль. Девочка родилась двумя днями раньше, и никто не ожидал, что случится такая беда, ведь Нада была крепкой и здоровой молодой женщиной. Кровотечение открылось прошлым вечером, и остановить его не могли ничем. Молодая мать просто истекала кровью, слабела, и жизнь уходила из неё капля по капле.

Внезапно умирающая встрепенулась и слабым голосом попросила зажечь свечу — темно стало.

Окружающие поняли, что конец близок. Муж взял её за холодеющую руку, пытаясь удержать ещё хотя бы на несколько минут. Она открыла затуманивающиеся глаза и из последних сил прошептала слова прощания.

— Сбереги девочку, Оуэн. Назови её Валой, как мою мать.

С этими словами жизнь покинула ослабевшее тело. Нада дёрнулась и затихла, глядя в потолок невидящими уже глазами.

Рыцарь, глотая слёзы, закрыл неживые глаза жены, бывшие при жизни такими яркими, полными огня — красавица-валлийка Нада была темноволоса, смугла и черноглаза, всегда полна жизненных сил и желания угодить ему в постели. Ночи с ней были горячи и сладки. И вот теперь она лежит перед ним неподвижная, и мёртвенная бледность заливает любимое лицо, а руки холодеют. Он положил на закрытые глаза монетки и предался своему горю.

Приехавший только утром следующего дня священник успел отпеть почившую леди и окрестить наследницу. Рыцарь Оуэн де Плешар так и не получил сына, о котором мечтал, как и каждый мужчина. На его руках осталась новорожденная девочка, и он не имел даже представления, что станет с ней делать, как её растить. Благо рядом была верная Огла, принявшая ребёнка в свои

тёплые и надёжные руки. Других женских рук девочке не дано было знать — ведь простой рыцарь из небогатого поместья не мог рассчитывать на удачный повторный брак. Да и редкая мачеха заменит ребёнку родную мать, а он хотел счастья своей крошке-дочери.

Оуэн де Плешар уже много лет владел своим небольшим поместьем, доставшимся ему по наследству от отца. И хотя он был всего лишь третьим сыном Рональда де Плешара, поместье досталось ему, потому что и отец, и оба старших брата погибли в битвах. Ему было четырнадцать лет, когда пришлось стать мужчиной, взяв на себя ответственность за семью, землю и подвластных людей. Из семьи остались только мать и младшая сестра. Но через три года обе погибли при очередном жестоком набеге соседей-валлийцев. Имение Истейт было расположено совсем близко к границе с Уэльсом и частенько подвергалось набегам. Тот набег был особенно жестоким, и как назло хозяина не было на месте — он ездил к лорду Херефорду с выполнением своих вассальных обязательств. Вернувшись, он нашёл разграбленное поместье, убитых родных и голые поля. Весь скот был украден, а посевы вытоптаны.

Много лет после этого сразу повзрослевший от бед Оуэн восстанавливал своё потомственное владение. Оно досталось его предку Отту де

Плешару, пришедшему из Нормандии вместе с Вильгельмом Завоевателем и награждённому новым королём Англии этим маленьким наделом земли, где прежде хозяйствовали саксонцы. Женившись, как это было принято, на дочери убитого владельца поместья, Отт де Плешар стал главой нового рода, в котором смешалась кровь завоевателей и побеждённых. Люди его рода были сильны и выносливы, светловолосые мужчины все как один высокие, широкоплечие и статные, женщины красивы и плодовиты. Но ни один мужчина из рода де Плешаров не умер в своей постели, и ни одна женщина этого рода не была счастлива.

Оуэн де Плешар боролся с трудностями жизни как мог. Никто не пришёл ему на помощь, все вокруг были заняты лишь собственными бедами. Больше того, каждый год он должен был отдавать два месяца на службу своему лорду. В относительно мирное время, что было чрезвычайно редко в их краях, воины лорда охраняли границы его владений и выполняли различные поручения. В беспокойные же времена битвам, большим и малым, не было числа. Оуэн де Плешар возмужал, окреп, стал настоящим, закалённым в битвах воином, но мало преуспел в ведении собственного хозяйства. У него не оставалось для этого ни времени, ни сил, ни, пожалуй, умения. Беспокойные

валлийцы наседали постоянно, угоняли и тот малочисленный скот, который удавалось сохранить, вытаптывали поля, не давали собирать урожай. Люди в поместье бедствовали, чуть ли не голодали. В особенно холодные зимы многие умирали, детей губили налетающие неизвестно откуда болезни. Лекаря в поместье испокон века не было, как и своего священника. Умело заправлявший всем хозяйством управитель умер прошлой зимой после двух недель мучительного кашля, сопровождавшегося жестокой лихорадкой. Рыцарь чувствовал себя совершенно беспомощным. Вот если бы можно было все проблемы решить только мечом, он бы справился. Но в его положении требовалось что-то другое, чего он не знал и не умел. В одну из бессонных зимних ночей ему пришла в голову мысль, которая показалась здоровой. Утром мнение его на этот счёт не изменилось. И рыцарь всего лишь с двумя воинами отправился на земли соседей. Малочисленность группы явно свидетельствовала о мирных намерениях англичан, и ему позволили достичь владений ближайшего валлийского лорда, жестокого и сильного Мэрила ап Томаса. После длительных переговоров и большого количества опустошённых кубков с элем соглашение было достигнуто, и Оуэн де Плешар отправился домой уже впятером. С ним ехали младшая дочь хозяина,

черноглазая Нада, отданная в жёны английскому рыцарю, и её верная кормилица.

После этого мудрого шага хозяина поместье понемногу ожило. Валлийцы их больше не беспокоили, а в доме появилась госпожа. Несмотря на молодость, Нада была разумной и рачительной хозяйкой, умела врачевать раны и некоторые болезни, развела в усадьбе маленький огород с лекарственными травами. Челядь её почитала и любила. Но больше других её полюбил сам господин. Лишённый многие годы женской заботы и ласки, Оуэн де Плешар нежился и таял в объятиях своей молодой жены. И что уж вовсе было удивительным, Нада полюбила его, несмотря на большую разницу в возрасте и внешнюю суровость воина. Но куда девалась эта суровость, когда они оставались вдвоём. Не растративший себя в объятиях других женщин, Оуэн всю свою страсть, всю спрятанную глубоко внутри нежность отдавал жене, наслаждаясь её ответной страстью и любовью. Настал период благоденствия. Но, как и многое хорошее в этой жизни, он оказался до боли коротким. Три года пролетели незаметно, и благоденствие оборвалось. В один миг рыцарь оказался вдовцом, только что родившаяся девочка наполовину осиротела, а поместье лишилось хозяйки.

Глава 1

Прошло двадцать лет. Вала превратилась в красивую стройную девушку, похожую на мать, но менее яркую и более изящную. Она твёрдой рукой вела хозяйство отца, не хуже любого мужчины скакала часами по полям, предпочитая крепкого быстроногого жеребца и мужскую посадку в седле, прекрасно стреляла из лука. Настоящая приграничная леди, отважная и даже жёсткая в минуты опасности, но мягкая и приветливая с близкими людьми. Отец обожал её, она отвечала ему такой же горячей и преданной любовью. Верная старая Огла всегда была рядом, а приставленная к девушке с ранней юности некрасивая, но высокая и сильная Иста боготворила свою госпожу, служила ей не за страх, а за совесть и готова была растерзать каждого, кто угрожал её благополучию.

Всё бы хорошо во владениях де Плешаров, но возраст наследницы давно вышел за пределы, определённые законами брачного рынка, а она оставалась незамужней. Страшное слово «старая дева» никто не решался произнести, однако все понимали, что именно так и есть на самом деле. Их госпожа засиделась в девицах, и не видно было выхода из этого положения. Не отдавать же её, право, за дикого валлийца, а английские рыцари не

спешили с предложениями. И хотя многие знали, что у старого де Плешара выросла славная дочь, свататься не решался никто — уж больно близко к границе с Уэльсом находилось её наследственное владение. Сам Оуэн де Плешар как-то ладил со своими воинственными соседями, но удастся ли это новому владельцу, не знал никто. А время было и без того смутным, битв и сражений хватало за глаза. Кому же нужна лишняя головная боль? Да и не особо ценным приобретением был затерянный в приграничных холмах Истейт. Расстроенный таким положением дел отец даже подумывал о том, чтобы отдать дочь в монастырь, но быстро отбросил эти мысли, поскольку понимал, что при характере и привычках Вала она просто не выживет в монастыре. Ей нужны простор и воля, без этого она быстро зачахнет.

Надо сказать, что сама Вала не очень-то переживала из-за своего затянувшегося девичества. Она любила свой дом, почитала отца и ладила со слугами и работниками. Ей было хорошо здесь, и она вовсе не рвалась в чужой дом, к чужому незнакомому мужчине. Сердце её было свободно и спокойно, любовь — неведома. Зачем же ей менять что-то в своей жизни? Здесь она сама себе хозяйка. Отец позволяет ей делать то, что она считает нужным, не ограничивает в передвижениях. Дед по матери, опасный и жестокий Мэрил ап Томас с ней

приветлив и мягок. Ездить по валлийской земле ей так же безопасно, как по собственным владениям. Кто же рискнёт обидеть любимую внучку наводящего страх на всю округу лорда? Да и многочисленные сыновья и внуки грозного владельца обширных земель готовы были стеной встать за свою милую племянницу и кузину. Вала прекрасно всё это знала и ничего не боялась. Она носилась по зелёным холмам приграничья безо всякой стражи. Само имя её грозного деда было ей лучшей в мире охраной.

Вала несомненно была очень привлекательна, хотя сама и не осознавала этого. Доставшиеся ей в наследство тёмные волосы матери, густые и волнистые, были, однако, не так черны, в лучах солнца их блестящая масса отливала червонным золотом. Унаследованная от предков по линии отца светлая кожа летом покрывалась золотистым загаром, но зимой была белой и шелковистой. Несколько великоватый рот с пухлыми нежными губами уравнивался большими миндалевидными глазами, цвет которых менялся от зеленовато-серого, как спокойное море на закате солнечного дня, до тёмно-серого оттенка грозного неба, когда она гневалась. Девушка была достаточно рослой, но стройной и грациозной. Тонкая талия, небольшая, но хорошей формы грудь, широкие бёдра и длинные стройные ноги. Что ещё

надо мужчине? Но, тем не менее, вокруг неё была пустота. Конечно, молодые воины как отца, так и деда засматривались на неё, однако не смели даже думать о том, чтобы распустить язык или руки.

Так и шло бы всё без перемен, но в один далеко не прекрасный день старый Оуэн де Плешар почувствовал, что нездоров. Силы его таяли. Оставленные за плечами битвы и трудности жизни подорвали его могучее здоровье, и рыцарь понял, что уже недолго может оставаться опорой и защитой для своей молодой дочери. Мэрил ап Томас тоже далеко не молод, хотя и крепок ещё на вид. Но... Самым надёжным было бы всё же пристроить Валу замуж. Тогда и умереть можно спокойно. А оставлять её одну негоже. Где это видано, чтобы женщина сама управляла поместьем? Сразу найдётся немало желающих поживиться чужим добром. Да и у короля, как он знал, руки длинные. Прослышав, что поместье на границе осталось без хозяина, он сразу найдёт ему замену. И кто знает, какому человеку попадут в руки его дочь и его земля. Лучше уж самому её пристроить. Старый рыцарь знал только один способ решить эту сложную задачу. И он отправился во владения лорда Херефорда. Старого лорда, с которым его связывали совместные походы и сражения, в живых уже не было. Но и сын его, ныне правящий в землях Херефордшира, славился как сильный и

порядочный человек. К нему-то и отправился старый рыцарь.

Собираясь в дальнюю дорогу, он призвал к себе дочь. Вала пришла, улыбающаяся и разгорячённая после недавней скачки по полям, но, увидев лицо отца, встревожилась.

— Что-то случилось, отец? — с волнением спросила она. — Вы бледны сегодня, и мне это не нравится.

— Всё нормально, дочь, — отвечивал рыцарь как можно спокойнее. — Просто дела призывают меня отлучиться из поместья на какое-то время, и я хочу просить тебя быть очень осторожной. Тебе не стоит покидать границы наших владений в моё отсутствие. Конечно, капитан нашей стражи прекрасно знает своё дело. Но я буду спокоен только в том случае, когда ты пообещаешь мне слушать его во всём и не уезжать из поместья.

— Твои слова огорчили меня, отец, — сказала девушка, — но я, конечно же, сделаю так, как ты хочешь. Ты можешь не сомневаться во мне.

— Вот и славно, девочка моя, — заключил отец. — Теперь я поеду в дорогу со спокойной душой.

Рано утром следующего дня Оуэн де Плешар отбыл ко двору лорда Херефорда. Дочь проводила его и долго смотрела вслед маленькому отряду. У

неё было такое ощущение, что эта поездка отца принесёт большие перемены в их жизнь, и предчувствие их не радовало девушку.

Невесёлые перемены не заставили себя долго ждать. Отец вернулся с известием, что нашёлся рыцарь, желающий взять в жёны его дочь, несмотря на её возраст, при условии, что она сохранила девственность. Вала громко фыркнула при этих словах, но промолчала. Отец не сразу признался ей, что рыцарь этот далеко не молод и не блещет красотой, что он вдовец и имеет сына от первого брака в возрасте почти четырнадцати лет. Новости эти не обрадовали её, но она понимала, что отец сделал всё, что мог. Спорить с ним не имело смысла. В некоторых вопросах он был непробиваемо упрям, и это как раз такой случай, как она понимала. Вала не хотела огорчать отца своим отчаянием. Она ведь всё видела и понимала, что отец стареет и теряет силы. Он просто выполняет свой долг, не желая оставить её одну без защиты и покровительства сильного мужчины. Валлийские родственники в данном случае не в счёт, они в Уэльсе, а здесь Англия, и власть короля не имеет границ.

Вала была умной девушкой. Она, разумеется, не получила образования, но у неё были глаза и уши, которые она всегда держала открытыми. И она внимательно слушала разговоры мужчин здесь, в

поместье, и во владениях деда. При этом сама старалась оставаться незамеченной, чтобы разговоры эти велись более свободно. Из них-то она и черпала своё знание жизни, причём с мужской точки зрения. И это впоследствии сослужило ей хорошую службу.

Начались приготовления к приезду жениха. Его владения были не слишком далеко от их поместья, всего в трёх днях пути. Прибытие ожидалось в середине апреля с тем, чтобы совершить акт бракосочетания здесь, в поместье, а уж потом отпраздновать свадьбу в её новом доме. Был призван на помощь священник, который её крестил, и они вдвоём с отцом долго корпели над брачным контрактом. Отец хотел по возможности полней защитить дочь от превратностей судьбы.

В Вустер был срочно отправлен гонец с повелением привезти красивые ткани для подвенечного наряда невесты и её приданого. Женщины засели за дело, проворно работая иглами. Вала бродила по дому как привидение. У неё всё валилось из рук. Хотелось плакать, но она позволяла себе это только в постели, когда не видел отец — не хотела его расстраивать. Её горе от предстоящего расставания с родным домом было очевидным только для самых близких к ней женщин — Оглы и Исты.

— Не плачь, ягнёночек мой, не надрывай мне сердце, — увещевала её старая няня. — Может и не так плохо всё будет, как тебе кажется. Может твой жених хороший человек, и ты даже сможешь полюбить его, как твоя мать, упокой Господи её светлую душеньку, полюбила твоего отца. Тоже ведь разница в годах у них большая была, а видишь, как сложилось. Они были очень счастливы вместе.

— Нет, няня, — грустно отвечала Вала. — Чует моё сердце, что в поместье моего будущего мужа меня ожидают чёрные дни. Не хочу ехать, но и против воли отца не пойду. Он ведь как лучше хочет. Пусть хоть он спокоен будет на старости лет.

— Ну что вы, госпожа, право, — вмешалась в разговор Иста, расчёсывающая на ночь тёмный шелк её волос. — Мы же с вами едем. Мы в обиду вас не дадим.

— Конечно, из тебя, Иста, охранник хоть куда. — Вала печально улыбнулась. — И всё же пошлите незаметно гонца к моему деду. Пусть он, и дядья мои, и кузены знают, куда меня увозят. Пусть потихоньку приглядывают за отцом и обо мне не забывают. Так мне будет спокойнее.

— Будет выполнено, госпожа. Завтра же с утра гонец отправится к Мэрилу ап Томасу. Не беспокойтесь об этом. — Иста укрыла свою госпожу потеплее, и обе женщины покинули опочивальню хозяйки.

Вала осталась одна, но сон не шёл к ней. Тревожные предчувствия теснились в душе. Разве такой должна быть невеста, ожидающая своего суженого? Но сделать с собой она ничего не могла. Сердце ныло и ныло.

Филипп де Варун прибыл в дом невесты в назначенный срок. Его сопровождали восемнадцать отборных воинов. Было видно, что рыцарь вполне отдавал себе отчёт о том, в какие края едет. Граница вот она, совсем рядом. Кто же будет спокоен при таких обстоятельствах? Однако в доме будущего тестя всё было тихо, вроде и не волновало их столь близкое соседство диких валлийцев. И жених успокоился. Но всё же пожелал как можно скорее оформить все формальности и увезти новобрачную в свой дом, где чувствовал себя куда увереннее. Всё же три дня пути — это не рядом с границей, хоть и близко. По опыту он знал, что так далеко при своих набегам валлийцы обычно не забираются. Здесь же чувствовал себя не в своей тарелке и людям своим велел быть начеку.

В тот же вечер оба рыцаря уединились в небольшой комнате за залом, где скрупулёзно обсудили все условия брачного контракта. Разговаривали они долго и выпили немало тёмного эля, но к согласию, как видно, пришли. Потому что прямо с утра был призван священник для совершения обряда бракосочетания, после чего

новобрачный заспешил домой. Он даже от свадебного пира отказался, а невесте велел не морочить себе голову со свадебным нарядом — всё это потом, потом... Сейчас же надо как можно раньше отправиться в путь, чтобы успеть засветло добраться до ближайшего аббатства и заночевать в безопасном месте.

Вала была немало удивлена таким поведением мужа, но беспрекословно подчинилась. Оуэн де Плешар понимал своего зятя. Тому было явно не по себе от близости валлийской границы.

Прощание было скорым, но от этого не менее тягостным. У Вала сердце разрывалось на части. Отец тоже едва сдерживал слёзы. Домочадцы стояли в зале как оглушённые. Работники собрались во дворе. Ей хотелось сказать доброе слово каждому, но муж торопил её. Может это и к лучшему, что быстро уехали, иначе Вала не выдержала бы и разрыдалась, а это плохая примета, нельзя. Она изо всех сил старалась не оглядываться на свой дом и немного расслабилась только тогда, когда родные места скрылись за поворотом дороги. С ней остались только две её женщины, ехавшие рядом. Все были верхом, даже старая Огла, которая оказалась сильной и выносливой, несмотря на годы. Приданое невесты было навьючено на двух мулов, которые поспешали за конным отрядом, подгоняемые воинами. Вала ехала на своём

вороном жеребце Громе. Муж недовольно покосился на неё, когда она забиралась в седло высокого и сильного коня, но промолчал, и Вала поняла, что разговор на эту тему у них впереди, и будет он не слишком для неё приятным. Что ж, она готова стать рыцарю хорошей женой, послушной и хозяйственной. Но в некоторых вопросах намеревалась твёрдо отстаивать свои интересы.

Нужно признаться, что новоиспеченный муж произвёл на неё неважное впечатление. Мало того, что он немолод, невысок ростом и некрасив, он ещё и мрачен как грозовая туча. За всё время ни разу не улыбнулся ей, не сказал ласкового слова. Даже дикие валлийцы куда приветливее его. Как же она будет жить с таким человеком под одной крышей, спать в одной постели? От последней мысли её передёрнуло. Придётся зажать себя в кулак, чтобы справиться с тем, что ей предстоит.

День в пути прошёл в молчании. Воины Филиппа де Варуна погоняли коней, сам он ехал впереди отряда и ни разу не оглянулся на жену и её спутниц.

Самое время сбежать к деду, подумалось ей. Муж и не заметит её исчезновения. Зато заметят воины. Они все как один были опытны и осторожны. Вала подумала, что в битве они, должно быть, сильны и неутомимы, чего не скажешь о её супруге. Его небольшой рост и хилое

телосложение не дают надежд на воинскую силу и отвагу. То-то защитник из него получится, улыбнулась она про себя. Без своих отборных воинов он ничто, пустое место. Обидно, конечно, но так уж распорядилась судьба. Бедный отец! Он, наверное, тоже понял, что просчитался с этой свадьбой. Но обратного хода уже нет.

Все три дня пути прошли, как один, в молчании. Они редко делали остановки, ночевали в монастырях и снова отправлялись в дорогу, как только небо начинало светлеть. Женщины измучились и едва держались в сёдлах, но это, похоже, никого не волновало. К концу третьего дня пути на холме впереди показалось хорошо защищённое большое поместье.

— Ваш новый дом, леди, — сказал Филипп де Варун, подъезжая к жене. Это были, пожалуй, чуть ли не первые его слова, если не считать произнесённых им брачных обетов. — Я уверен, Хил-Хаус вам понравится.

Вала его уверенности не разделяла. Более того, чем ближе подъезжали они к поместью, тем тяжелее становилось у неё на душе. Служанка и няня тоже хмурились. Похоже, им было ничуть не веселее, чем ей. Поместье хорошее, крепкое, расположено очень удачно, дом выглядит уютным и надёжным. Что же здесь не так? Что так её тревожит?

Ответы на эти вопросы она получила очень скоро.

Как только отряд въехал в открывшиеся ворота, их встретили молчаливые хмурые конюхи, которые приняли господских коней. Они сразу оценили красоту и мощь её Грома, и Вала поняла, что коня у неё отнимут. Сердце больно сжалось в груди — она очень любила своего скакуна, которого подарил ей дед, и конь отвечал ей глубокой привязанностью.

В большом зале собрались домочадцы. Они низко поклонились господину, но улыбок на их лицах Вала не заметила. Он коротко представил её как новую госпожу поместья, и слуги поклонились ей. В глазах засветилось любопытство, но и только. За высоким столом одиноко сидел юноша, почти мальчик, холодно оглядевший Валу своими слишком светлыми, какими-то неживыми глазами. Он поднялся, однако, навстречу отцу и поприветствовал его неожиданно низким, мужским голосом.

— Подойди сюда, Холт, и познакомься со своей новой матерью, — велел рыцарь.

— Мать у меня только одна, господин мой отец, но мачеху ты привёз подходящую. Она достаточно молода, и хорошо согреет твою постель.

От этих слов Валу встряхнуло как от удара, хотелось подойти и хорошенько оттрепать

нахального мальчишку за уши. Но пришлось промолчать. Она только сверкнула в его сторону сразу потемневшими глазами, на что пасынок ответил довольной улыбкой. Он понял, что жизнь его в доме отца отныне станет намного веселее. Вала же подумала, что эта головная боль будет похуже проблемы с мрачным и неразговорчивым мужем. Но она и представить себе не могла, что ожидало её впереди в этом большом холодном доме.

Быстро был подан и съеден необильный ужин, который показался ей совсем скудным после долгого пути. Затем путников проводили в их комнаты. Валу привели в большую холодную спальню, половину которой занимала огромная кровать под мрачным тёмно-синим балдахином. Служанку к ней не допустили. Спустя несколько минут в комнате появился хозяин. Он с недовольством отметил, что жена ещё не раздета, и велел ей быстренько снять с себя всю одежду и забираться в постель.

— Как, — удивилась она, — без ванны и даже простого мытья? После трёх дней непрерывной скачки? От нас за версту разит конским потом.

— Много разговариваешь, женщина, — был ответ. — О каком мытье речь? Я устал, хочу поскорее получить то, что мне причитается, и спать.

Завтра у меня много работы. Так что побыстрее ложись в постель и раздвинь для меня ноги.

Вала была потрясена тем, что услышала. Но спасения было ждать неоткуда. Она легла в постель и робко посмотрела на мужа.

— Что лежишь? — резко сказал он. — Ноги раздвинь, да пошире. Мне недосуг с тобой долго возиться.

Он навалился на неё своим хилым, потным и вонючим телом, грубо развёл коленом ноги и ворвался в её недра как дикий завоеватель. Она вскрикнула от боли и сжалась под ним. Но он не обратил на её реакцию ни малейшего внимания, быстро сделал своё дело, удовлетворённо хмыкнул, увидев кровь на её бёдрах, отвернулся и сразу же уснул. А Вала лежала, потрясённая совершившимся над ней насилием, и слёзы лились из глаз нескончаемым потоком. Ах, отец, отец, думала она, какому же мерзавцу ты меня отдал в вечное пользование. И как выдержать эту жизнь?

Утром, усталая и невыспавшаяся, она была грубо разбужена на рассвете, чтобы отправиться заниматься хозяйственными делами.

— Не отдыхать сюда приехала, леди, — на ходу проворчал муж, — работать надо. И служанки твои пусть работают наравне со всеми. Напрасно кормить я никого не намерен.

Спустившись в общий зал, Вала застала там хмурых неразговорчивых служанок, которые ничуть не намерены были облегчать ей жизнь. Только Иста подошла к ней, но отшатнулась, увидев выражение тёмных грозových глаз. Да, в хорошенький переплёт они попали. И как тут быть, как защитить хозяйку?

Служанки быстро накрывали на столы, а Вала брезгливо рассматривала грязный неуютный зал. Столешницы на козлах не вычищены, даже на высоком столе засохла грязь. На полу мусор, обглоданные кости. Камыш давно требует замены. Запах в зале отнюдь не способствует аппетиту. Она недовольно хмурилась, отмечая себе объём предстоящих работ, как вдруг кто-то грубо шлёпнул её пониже спины. Разъярённо обернувшись, она оказалась лицом к лицу с хозяйским сынком.

— Ну что, хорошо ли ты ублажила моего папашу в постели? — нагло спросил пасынок.

— Не кажется ли тебе, Холт, что это совсем не твоё дело? — огрызнулась она.

— Ошибаешься, женщина, это моё дело, потому что я здесь молодой хозяин, и ты будешь отвечать на мои вопросы и делать всё, что я тебе прикажу. Ты здесь никто.

— Нет, мальчик, — издевательски произнесла она, — я здесь теперь хозяйка, и ты будешь

почитать меня, как положено сыну, пусть и не родному. Ты пока что здесь не хозяин, а твой отец вряд ли одобрит такое поведение.

Холт только собрался ответить пощёчиной на эти дерзкие слова, как в зал вошёл господин. Он сразу оценил обстановку и встал между ними.

— Ты ещё молокосос, Холт, чтобы задираться к моей жене, — рявкнул он. — Не смей распускать руки. И не приближайся к ней.

— А ты, леди, не дразни мальчишку, — обернулся он к жене. — Ему здесь быть хозяином после меня. Пусть привыкает командовать людьми.

Вала облегчённо вздохнула, получив неожиданно поддержку мужа, и даже испытала к нему чувство благодарности. Но, взглянув невольно в холодные и жестокие глаза пасынка, поняла, что обрела в его лице непримиримого врага, и расслабляться в этом доме ей не придётся.

После завтрака она испросила у мужа разрешения навести порядок в доме, и получила его.

— Делай, как знаешь, леди, — буркнул он, — домашняя челядь в твоём распоряжении. Только в мужские дела не лезь.

Работы в доме оказалось столько, что и до зимы не справиться. Слуги были угрюмы и не спешили исполнять приказы хозяйки. И как тут быть? Она не может показать себя никчемной

госпожой. И так её положение в этом доме очень шатко. Неожиданно на помощь ей пришёл старый эконом. Он объяснил ей, что дом давно без хозяйки, и слуги слегка одичали. Тем более что хозяина интересовали лишь мужские дела. Он проводил время в основном во дворе с воинами и контролировал рабочих на полях и фермах, не доверяя целиком управителю.

— Может и правильно, — добавил он, — поскольку управитель тот ещё плут и норовит положить в свой карман всё, что плохо лежит.

Потом он созвал слуг и велел им начать работать по-новому, добросовестно. Иначе придётся привлечь к делу хозяина, а он скор на расправу, это известно всем.

— К нашему счастью, в доме появилась новая госпожа, — заявил он, — и мы все должны помочь ей сделать этот дом таким же уютным, каким он был когда-то. Хозяин будет доволен.

С этого времени дело пошло легче, хотя ещё месяца три Вала ощущала глухое недовольство и сопротивление. Симон, так звали эконома, был ей хорошим помощником и единственным союзником в доме, не считая её верных служанок. Но и они не могли отдавать своей госпоже столько времени, сколько хотели бы, и сколько было нужно, если говорить по правде. Они вынуждены были

отрабатывать свой хлеб, иначе рыцарь грозился выслать их из поместья.

Отношения с мужем тоже стали немного лучше. Ему понравился порядок, который навела жена. Сама она была с ним приветлива и даже пыталась иногда быть ласковой. И рыцарь смягчился, стал менее резок и не требовал от неё очень уж многого. Но что самое главное, он не слишком донимал её в постели. Будучи человеком уже не молодым и не особо страстным по природе, он исполнял свой супружеский долг далеко не каждый день и охотно давал жене несколько дней отдыха, когда она бывала нечиста. Она стоически сносила их короткие соития, зная, что после этого может спокойно уснуть, не опасаясь дальнейших притязаний супруга. А к осени она и вовсе освободилась от супружеских объятий, когда заявила мужу, что понесла от него. Рыцарь легко согласился дать ей отдохнуть от своих ласк, как он называл то, что происходило между ними (сама Вала называла это иначе). Лишь считанные разы за все это время он помогался её, когда его особенно одолевала похоть после удачной охоты или весёлой пирушки. Да и то брал её куда осторожнее и на боку, боясь повредить будущему ребёнку.

Беременность Вала протекала спокойно и в положенный срок, поздней весной она разродилась крупной, здоровой девочкой. Муж поначалу

проявил недовольство, но, поразмыслив, пришёл к выводу, что так даже лучше, поскольку наследник у него уже есть. Тем более что девочка, подрастая, всё больше завоёвывала сердце отца, и он, не знавший вообще, что такое любовь, незаметно для себя всё крепче привязывался к ребёнку. Уна росла умницей и была похожа на мать, только волосики оказались светлыми, как у отца. Её любили в доме все. Все кроме сводного брата. Он единственный никогда не брал девочку на руки, никогда не улыбался ей и не играл с ней. Вала опасалась худшего и всегда была начеку. А возле девочки всякий раз был кто-то из надёжных людей, в число которых вошли и некоторые слуги из местных.

Уне было шесть с половиной лет, когда случилось несчастье с её отцом. Поздней осенью, на охоте, которую он так любил, лошадь рыцаря на всём скаку споткнулась. Хозяин перелетел через её голову и когда приземлился, был уже мёртв, сломал шею. Его принесли домой, и Вала пришла в ужас, потому что поняла, что жизнь её и ребёнка теперь под угрозой. Старого хозяина не успели похоронить, как молодой заявил свои права и провозгласил свои порядки. Онемевшей от горя и страха мачехе он заявил, что она отныне никакая не госпожа, а его шлюха. Господу он привезёт в дом потом. А пока пусть мачеха готовится обслуживать его как в доме, так и в постели. И никакого

неповиновения он не потерпит. Вала попробовала было возразить, но он тут же схватил её за волосы, швырнул на пол и грубо овладел ею на глазах у слуг и ребёнка. Девочка громко рыдала и пыталась оттащить насильника от матери. Он резко отшвырнул малышку и продолжал своё дело.

— Это задаток, женщина, — зло заявил он, когда кончил, — чтобы знала, что тебя ждёт. И никаких фокусов. А пока даю тебе месяц, чтобы оплакать отца. И будь покорной, сука, иначе убью.

На другой день Уна утонула в пруду за поместьем. Никто не знал, как она туда попала, но догадаться, чьих это рук дело, было несложно. Девочку похоронили рядом с отцом, а Вала впала в оцепенение. Она ничего не видела вокруг, не слышала увещаний верных служанок, была как неживая. В поместье наступили поистине чёрные дни.

Глава 2

Только на третий день после гибели дочери Вала немного пришла в себя. Слабая и бледная как привидение, она с трудом поднялась на ноги, и верная Иста отвела её на могилу девочки. Горькие слёзы, наконец, полились из глаз, окаменевшее сердце дало знать о себе горячей болью. Вала оживала, но от этого ей становилось только хуже.

Что ждёт её впереди? Можно ли как-то передать весточку отцу? И сможет ли отец помочь ей или надо рассчитывать только на собственные силы? Эти вопросы не давали ей покоя ни днём, ни ночью. Ясно было одно — любыми путями ей надо выбраться из этого ада, иначе она просто погибнет. Но как это сделать? Поместье охранялось очень надёжно. Воины были целиком преданы хозяевам и молодому согласились служить так же верно, как служили старому, за хорошую плату, разумеется. Плата была обещана, и вопрос закрыли. Ворота Хил-Хауса всегда были на запоре, и два воина зорко охраняли их днём и особенно ночью. Выйти из поместья незаметно было невозможно. За все годы пребывания тут Вала ни разу не выходила за его пределы, ни разу не ездила верхом. Она только несколько раз, да и то издали видела своего Грома, на котором теперь ездил владелец земли. Это было больно, но и помимо этой боли других бед теперь в её жизни было предостаточно.

И всё же Вала попыталась обсудить возникшее стремление к побегу со своими женщинами. Сделать это тоже было непросто, потому что все они были загружены работой и, кроме того, находились под жёстким надзором. Время для встреч можно было найти только в те вечера, когда в большом зале новый хозяин устраивал попойку со своими воинами. В один из

таких вечеров и состоялся военный совет. Женщины обсудили все варианты и поняли, что возможности практически нет. Тогда Огла предложила привлечь к их заговору старого Симона. Ведь он всегда хорошо относился к госпоже и, как никто другой, знал коварную и извращённую натуру своего нынешнего хозяина. Когда несколько дней назад Холт на глазах у всех жестоко изнасиловал госпожу, только в его глазах Огла заметила сочувствие и жалость. Остальные остались равнодушными или даже нашли в этом развлечение для себя.

Вопреки опасениям, Симон согласился помочь женщинам. Только предупредил, что сделать это надо было очень осторожно и так, чтобы не навлечь подозрений на самого эконома, иначе ему грозит жестокая и мучительная смерть. И всё же попытаться можно.

Симон очень давно служил в поместье, ещё с тех пор, когда почивший Филипп де Варун был мальчишкой. И он знал то, что неведомо было ни молодому хозяину, ни капитану стражи. На задворках поместья, позади фруктового сада в высокой и прочной стене имелась калитка, надёжно спрятанная от глаз густым кустарником. Ею не пользовались уже много лет, но ключи сохранились, и можно попытаться ускользнуть через неё. Только надо выбрать подходящий

момент и решить, как увести лошадей. О том, чтобы забрать Грома, не может быть и речи. С одной стороны, его слишком хорошо охраняют — такой конь ведь больших денег стоит. С другой стороны, он очень уж заметный, и брать его опасно, даже если удастся увести из-под охраны. Самое лучшее — взять трёх ничем не приметных мулов, но выбрать наиболее выносливых. Они и охраняются не так строго. И ещё одно тревожило. Надвигалась зима, а по снегу следы беглецов прочтёт и последний олух.

Но время, отпущенное леди на оплакивание супруга, быстро таяло, уже десять дней потеряно. И подготовка началась. Симон проверил и хорошо смазал замок в калитке, присмотрел мулов и позаботился о том, чтобы их можно было легко увести. Иста приготовила всё нужное в дальнюю дорогу, отобрав только тёплые и добротные вещи для госпожи, Оглы и себя. Всё-таки путешествовать зимой куда труднее и опаснее чем летом, и неизвестно ещё насколько долгим будет их путь. Плохо, что у них совсем нет денег. И обидно оставлять все те замечательные платья, что сшили для госпожи перед свадьбой. Они такие красивые. А бедняжка даже не надела их здесь. Куда? И для чего? Конюшня, а не усадьба, право слово. Тьфу!

Симон объяснил, что самым разумным будет держать путь в ближайший женский монастырь.

Обитель Святого Фрайдсуайда, что на границе Херефордшира, всего в половине дня пути от их поместья, если ехать быстро и без остановок. Но женщинам придётся выехать ночью, и это будет намного труднее. Однако другого пути нет — днём им не ускользнуть. Настоятельница монастыря матушка Ранульфа не откажет в приюте попавшей в беду леди. А уж как сложится дело дальше, ему неизвестно. Главное — вырваться из лап жестокосердного Холта.

Женщины согласились с планом Симона, и побег был намечен на полночь третьего от сегодня дня. Но жизнь, как это часто бывает, внесла свои изменения в их планы. Случилось то, чего никто не ожидал.

Ранним вечером следующего дня перед воротами поместья остановился большой отряд хорошо вооружённых всадников. После коротких переговоров оказалось, что к ним прибыл старший сын короля Стефана принц Юсташ Блуаский. Холт приказал распахнуть ворота и лично встретил на въезде в поместье высокого гостя. Принц повелел устроить его людей, а сам направился в зал и потребовал подать подогретого вина:

— Я слишком сильно промёрз в ваших диких краях, где и людей-то, кажется, нет. Хочу вина, хорошо поесть и женщину.

— Всё будет, мой принц, незамедлительно будет. Сейчас я позову хозяйку, она всем распорядится, — отвечал потрясённый Холт. Такая честь для их небольшого по сути поместья! Сам принц!

Молодой хозяин нашёл Валу и потребовал, чтобы она явилась в зал прислуживать высокому гостю.

— И оденься поприличней, — прошипел он, — не смей меня позорить в глазах принца.

Когда Вала вошла в зал, гости были уже слегка разогреты вином. Юсташ Блуаский вместе с Холтом сидел за высоким столом. Остальные места были забиты людьми принца. Вала на ходу отдала некоторые необходимые распоряжения, подошла к хозяйскому столу и присела в реверансе перед королевским сыном. Он окинул женщину с головы до ног наглым, раздевающим взглядом, любезно улыбнулся и пригласил сесть рядом. Вала уже давно не сидела на хозяйском месте, ела обычно в кухне или в своей комнате, но она неизменно присутствовала в зале для наблюдения за порядком. Встретившись глазами с холодным, жестоким и откровенно похотливым взглядом принца, Вала задрожала от ужаса. Ей показалась, что огромная змея разевает пасть, чтобы проглотить её, смять тонкие косточки, разорвать на мелкие куски тело.

Собрав всю свою волю, она снова присела в реверансе, скромно потупилась и вежливо ответила:

— Нижайше прошу извинить меня, милорд принц, но как хозяйка я должна проследить за всем, чтобы наилучшим образом угодить вам. Простите, но мы не ожидали вашего приезда сегодня, и нужны срочные меры, чтобы всё было как должно.

— Хорошо, леди, — недовольно процедил он. — Но завтра я вас жду за этим столом. И никаких отговорок.

Оцепенев от ужаса, она быстро вышла из зала, метнулась в сторону кухни и, наткнувшись на эконома, едва не упала ему на руки. Ноги её подкашивались, она вся дрожала.

— Я боюсь, Симон, — прошептала она, — я вся дрожу от ужаса. Это страшный человек, страшный.

— Да, госпожа, этот человек не имеет ни совести, ни жалости, как говорят, — тихо ответил эконом. — Для него не существует ничего святого. Я слышал ваш разговор. Вы мудро поступили, госпожа. А сейчас ступайте в свою комнату и не выходите из неё. Я пришлю к вам Исту. А мы с Оглой всё сделаем здесь.

Вала устремилась в свою комнату и вскоре впустила к себе Исту. Служанка была блее мела. Она понимала весь ужас положения и дрожала от страха за хозяйку и от понимания своей

беспомощности в этих обстоятельствах. Подумать только! Она ничем не может помочь госпоже, а ведь клялась защищать её до последней капли крови. Так и сидели они, притаившись, прислушиваясь к доносившимся из зала звукам.

А там становилось всё более шумно. Подвыпившие ратники принца громко выражали своё удовлетворение от столь радушного приёма. За высоким столом шёл совсем другой разговор.

— Эта женщина хозяйка поместья, де Варун? — спросил Юсташ.

— Она вдова моего покойного отца, мой принц. Мой отец, рыцарь Филипп де Варун погиб на охоте две недели назад. Теперь я вхожу в права владения и надеюсь подтвердить своё рыцарское звание в ближайшее время.

— Конечно, ты получишь желаемое, де Варун, — вкрадчиво сказал принц, — особенно если хорошо угодишь мне.

— Всё что угодно для милорда, — льстиво ответил Холт, — всё что угодно. В этом поместье вы можете распоряжаться всем.

— Отлично, — удовлетворённо кивнул принц, — я хочу эту женщину. Она показалась мне мягкой и сладкой. И я предвкушаю много удовольствия от неё. Думаю, я хорошо поработаю над ней, и мой «петушок» насладится ею во всех

трёх отверстиях. Если ты не имеешь возражений, разумеется, — насмешливо добавил Юсташ.

— Ну что вы, мой принц! Ваше желание для меня закон. А эта гордячка вполне заслуживает хорошего урока. Мой отец не сумел как следует объездить её и научить полному повиновению. Я сам собирался сделать это и уже начал своё обучение, когда оседлал её прямо здесь, в зале на глазах у всей челяди. Теперь она получит урок, который надолго запомнит. Правда, я обещал ей дать месяц на оплакивание погибшего мужа, ну да кто станет держать слово, данное женщине.

— Мне нравится ход твоих мыслей, де Варун, и, я думаю, ты пойдёшь далеко. И знаешь, у меня возникла отличная идея. Когда я немного удовлетворю с ней свой аппетит, мы возьмём эту женщину вдвоём. Поделим между собой все её отверстия и покажем свою удаль. Надеюсь, ей понравится, — издевательски хохотнул принц. — Что ты скажешь на это, де Варун?

— Превосходная идея, мой принц. Владеть одновременно с вами одной женщиной — великая честь для меня. Я польщён и готов служить вам всегда и во всём.

— Вот и хорошо. Считаю, договорились. Сегодня попируем с моими солдатами от души, а завтра и начнём. Время у нас есть. Мой старый Флэт говорит, что ночью разыграется метель дня на

три, а он никогда не ошибается. Так что я окажусь запертым здесь, и развлечение будет весьма кстати. Вряд ли леди сможет ходить после того, как мы с тобой закончим наши забавы. А если окажется слишком выносливой, мои солдаты с радостью довершат дело. Они это любят. Поломанная игрушка никому ведь уже не нужна. Эй, вина мне, да побольше! Сегодня будущий король Англии пирует со своими верными солдатами. Виват!

— Виват принцу Блуаскому! Виват будущему королю Англии! — заревели мощные глотки.

Стоявшие в темноте и не видимые с высокого стола Огла и Симон дрожали как в лихорадке. То, что они слышали, было чудовищно, дико. Надо немедленно спасти госпожу, немедленно. Они переглянулись между собой, обменялись парой слов и разошлись. Симон отправился во двор, Огла поднялась к госпоже.

— Наш план меняется, ягнёночек мой, — сказала она. — Мы отправляемся немедленно.

И она поведала потрясённым женщинам всё, что услышала в зале. Времени падать в обморок от новостей уже не было, и беглянки активно взялись за последние приготовления. Когда час спустя доносившиеся из зала звуки стали совсем уж невразумительными, три закутанные в плащи фигуры проскользнули через заднее крыльцо во

двор и осторожно двинулись в конец сада. Там их ждал Симон с тремя мулами в поводу.

— Это хорошо, госпожа, что природа взялась помочь вам. Метель разыграется только к утру. Но вы не должны терять времени. Дорога неблизкая и лёгкой не будет, особенно ночью. К сожалению, я не могу дать вам провожатого. Будем надеяться на волю Господа нашего. Молитесь, и он поможет вам.

Сразу после полуночи трое всадников на низкорослых мулах с мохнатыми сильными ногами тихо покинули поместье через неслышно открывшуюся калитку и вскоре растаяли в темноте.

— Дай Бог вам удачи, леди! Дай Бог вам всем живыми добраться до человеческого жилья и обрести спасение! — тихо прошептал им вслед эконоом, осенив их крестным знамением.

Он тщательно расправил отодвинутые кусты, неслышно закрыл и запер калитку, замёл следы и отправился в дом. В зале ещё продолжалось веселье, но всё больше воинов оказывались под столом. Принц уже едва держался в кресле. Симон велел слугам отнести его в приготовленные покои и осторожно уложить в постель, поставив рядом кувшин с вином и кубок. Затем сам отправился на покой, молясь, чтобы исчезновение женщин обнаружилось как можно позже.

Пробуждение хорошо повеселившихся накануне гостей было не слишком приятным.

Принц проснулся хмурый и недовольный. Голова болела, глаза видели не совсем ясно. А за окном во всю мела метель. Снег покрыл землю плотным белым покрывалом и носился в воздухе какими-то дикими вихрями, с воем и жалобными стенаниями. Брр! Врагу не пожелаешь оказаться сейчас в чистом поле.

Завтрак был поздним. Только поев немного горячего и выпив кубок эля, принц спохватился, что хозяйка поместья не сошла к гостям. За ней послали, но нигде не смогли найти. Исчезли также приехавшие с ней из отчего дома прислужницы. Хмель мгновенно слетел с Юсташа. Он не терпел, когда его планам и желаниям чинились препоны. И горе тому, кто осмеливался помешать ему. Он хотел эту женщину, и он её получит, если даже для этого придётся перевернуть небо и землю.

Немного позднее обнаружилась пропажа трёх мулов. Стражников допросили с пристрастием. Они клялись, что никто не выходил и не выезжал из поместья ни до метели, ни после того, как она началась. Они клялись всеми святыми, что ни на минуту не отлучались со своего поста. Им, конечно, не поверили. В итоге поместье де Варуна лишилось двух хорошо обученных и сильных воинов, а конюх получил травмы, навсегда превратившие его в калеку.

Принц рвал и метал. Живая игрушка выскользнула из его рук. Но ничего. Он найдёт её, и тогда она вообще пожалеет о том, что родилась на свет. Это он умел. Как умел и упорно идти по следу намеченной жертвы. У него был поистине собачий нюх, и он очень любил охоту на людей. Это возбуждало его.

— Как ты думаешь, де Варун, куда она могла податься? — спросил он у обескураженного таким поворотом событий Холта.

— Думаю, в ближайший монастырь, мой принц. Больше ей деваться некуда. Женская обитель Святого Фрайдсуайда ближе всего к моему поместью, всего полдня пути. Полагаю, она намеревается попросить там убежища. Дорогу к отцу ей самой не осилить.

— Хорошо. Как только закончится метель, мы отправимся туда. Ты едешь со мной. И я не оставлю камня на камне от этого монастыря, если только обнаружу, что они приняли её. Леди — моя законная добыча, и я не упущу её. А сейчас найти мне пару крепких свежих девок. Они пожалеют, что родились на свет, уже сегодня.

Метель бушевала три долгих дня и три ночи. И под звуки метели по всему поместью раздавался женский вой и плач. Для удовлетворения кипящей в душе принца ярости двух женщин оказалось недостаточно. Он жестоко изнасиловал и покалечил

шестерых. Одна молоденькая девушка, совсем ещё девочка умерла прямо под ним. Но это была мелочь для принца королевской крови.

На четвёртый день с утра засияло солнце. Земля лежала покрытая толстым слоем белого, искрящегося снега. Мир был чист и спокоен. Но беспокойны были люди. Как только был съеден наскоро поданный завтрак, оседлали коней, и большой отряд вооружённых до зубов воинов вырвался из ворот поместья и рысью двинулся на юго-восток, к женскому монастырю.

Монахини были перепуганы насмерть, когда большой вооружённый отряд остановился под их воротами, и грубый голос потребовал настоятельницу.

Бледная, но внешне спокойная мать Ранульфа вышла к воинам и, узнав принца Юсташа, поклонилась ему. Она прямо и честно ответила на все его вопросы. Да, действительно, ещё перед тем, как началась метель, в ворота монастыря постучала усталая путница на замученном муле. Она попросила приюта. Мать-настоятельница велела ей откровенно признаться, от кого она хочет скрыться. Услышав ответ, она даже не пустила женщину передохнуть и погреться, несмотря на начинающуюся непогоду. Она прекрасно понимает, что воля принца — закон для всех, и никогда не позволит себе выступить против его желания.

Пожилая монахиня поклялась на кресте и позволила, если надо, обыскать обитель. Принц был не из доверчивых, и монастырь обыскали. Никаких следов пребывания здесь разыскиваемой им леди не обнаружилось. И люди принца покинули святое место, прихватив в собой молоденькую послушницу. Её тело нашли на другой день недалеко от монастыря, и смотреть на него без слёз было невозможно.

А отряд принца направился на запад, во владения рыцаря Оуэна де Плешара. Там они узнали совершенно неожиданные новости. Оказывается ещё за полгода до разворачивающихся событий рыцарь погиб в схватке между двумя лордами, выступая на стороне своего сюзерена лорда Херефорда. Он был с честью предан земле, а поместье его, оставшееся без хозяина, король Стефан передал другому рыцарю, не желая оставлять без присмотра пограничное владение. Новоявленный хозяин клял всё на свете, когда понял, какой дар ему достался. Проклятые валлийцы не дают ему ни дня покоя, и он подумывает о том, чтобы просить короля Стефана освободить его от этой милости. О дочери почившего рыцаря он ничего не знает.

После такой неудачи принц отпустил Холта де Варуна домой, а сам, расположившись в доме новоявленного землевладельца, принялся думать, в

каком направлении продолжить свои поиски. Отказываться от задуманного он не собирался, это было не в его правилах. Конечно, леди могла спрятаться у своих родственников в Уэльсе, но что-то подсказывало ему, что она этого не сделала. Скорей всего она скрывается где-то неподалёку, возможно даже в пределах Херефордшира. Его охотничий инстинкт вёл его обратно в Англию. Принц привык доверять своим инстинктам, и повернул коней на восток.

Вернувшись в Хил-Хаус, Холт де Варун нашёл своё поместье в слезах и печали. Люди оплакивали малышку Мэрин, истерзанное тело которой предали земле. Остальные женщины ещё не пришли в себя полностью и, похоже, кое-кто из них останется калекой. Это не взволновало молодого хозяина, он больше радовался тому, что завёл дружбу с самим принцем Блуаским, будущим королём Англии. Потеря двух солдат тоже не слишком его огорчила. Он посчитал, что это мелочь на фоне более приятных событий. Сам принц Юсташ предложил ему разделить с ним одну женщину. Интересно, как это, каковы ощущения? Наверное, потрясающе приятные. Надо будет попробовать. Возбуждись от этих мыслей, он пошёл искать себе женщину.

Когда удовлетворённый и сытый молодой хозяин сидел с кубком эля в зале, ему пришли в голову более тревожные мысли. Куда всё-таки делась эта сучка, его мачеха? Очень хотелось найти её и научить покорности на всю оставшуюся жизнь. Правда, на охоту за ней вышел сам принц, и становиться у него на пути было глупо. Что ж, надо подождать развития событий.

Примерно через неделю, когда люди во владениях де Варуна понемногу успокоились, в ворота Хил-Хауса постучал замёрзший одинокий путник. Он сказался бродячим менестрелем и, правда, услаждал слух обитателей поместья своим приятным голосом весь вечер. Ему позволили остаться на пару дней, чтобы восстановить силы для дальнейшего пути. А на вторую ночь его пребывания в Хил-Хаусе в самый глухой предутренний час ворота поместья неслышно распахнулись, и внутрь ворвался большой отряд всадников. Всех солдат перебили быстро и бесшумно. Потом во двор выволокли плохо понимающего спросонья Холта де Варуна, прибили его за руки гвоздями к стене сарая, отрезали ему мужское достоинство и после этого забили насмерть. Всех слуг быстро удалили из дома и подожгли его. И пока занималось зарево пожара, всадники так же организовано и бесшумно покинули поместье. Они ничего не взяли из него,

только увели красивого мощного коня по имени Гром. С ними вместе исчез и бродячий менестрель.

После этих событий округа затрепетала. Никто не сомневался, что это злодеяние — дело рук валлийцев. Но никогда прежде они не заходили столь глубоко в английские владения. Это было страшно. Правда, умные люди говорили, что происшедшее совсем не похоже на обычный набег, а по всем признакам напоминает акт мести.

Зато состарившийся, но всё ещё бодрый Мэрил ап Томас был доволен и горд своими сыновьями и внуками. Они славно отомстили подлому английскому псу за поруганную честь Валы и убитую им малышку Уну.

Глава 3

Выехав за пределы поместья, три всадницы остановились за поворотом дороги. Огла взяла под уздцы мула хозяйки и придержала его:

— Послушай, ягнёночек мой, дальше вы с Истой поедете вдвоём. И не спорь со мной. Я слишком стара для столь долгого пути, который, я чувствую, предстоит тебе. Я буду вам только обузой. Но я сделаю доброе дело, когда извещу обо всём происшедшем здесь твоего отца и твоего деда.

Слёзы навернулись на глаза Валы, но она понимала, что старая няня права. Ей не справиться

с трудным и опасным путешествием в неизвестность. Впервые в жизни им предстояло расстаться. Вала помнила свою няню с той первой минуты, когда стала осознавать себя. Няня была частью её жизни, неотделимой частью. И вот теперь эту связь приходилось рвать. У неё столько потерь за последнее время!

Беглянки обнялись и расцеловались. Огла всегда была сильной женщиной. Она не позволила прощанию затянуться, тем более что у них на счету была каждая минута. Метель надвигалась. Старая женщина чувствовала это и поспешила расстаться со своей воспитанницей, хотя сердце рвалось от боли.

Последние слова прощания, и всадницы разъехались. Две из них двинулись на юго-восток, третья повернула своего мула на запад.

Дорога до монастыря оказалась нелёгкой. В темноте безлунной ночи трудно было рассмотреть ориентиры, о которых говорил Симон. Разум оказался бессилён, сработало какое-то внутреннее чутьё, которое вело их правильным путём. Когда женщины достигли подножья холма над рекой Уай, начался снегопад, быстро превратившийся в метель. Подъём на вершину холма, где стояла обитель, стал самым тяжёлым отрезком пути. Но женщины надеялись на тепло и отдых за стенами монастыря и пробивались к цели из последних сил.

Когда они постучали в ворота обители, привратница, услышавшая женские голоса, была удивлена сверх меры. Монахини уже служили раннюю утреннюю мессу, и путницам надо было подождать. Их пустили за ворота обители, но и только. Привратница не могла сама принять решения. В эти смутные времена опасности ждали с любой стороны. Часа полтора, замёрзшие и усталые до предела женщины, едва держащиеся на ногах, стояли, прижавшись к своим утомлённым мулам и пытаясь взять хоть капельку тепла от их тел.

Наконец появилась настоятельница в сопровождении двух пожилых монахинь. Мать Ранульфа была крепкой женщиной преклонных лет, но ещё не достигла старости. Её строгое лицо с правильными чертами обрамлял белоснежный апостольник, на груди виднелся большой серебряный крест.

— Кто ты, дочь моя, и что ищешь в нашей тихой обители? — спросила она, напряжённо вглядываясь в лицо молодой женщины, за спиной которой стояла служанка, готовая в любой момент подхватить госпожу, защитить её.

Это понравилось матери-настоятельнице, она любила верных людей и умела ценить преданность.

— Меня зовут Вала, матушка, — ясным голосом ответила путница. — Я дочь Оуэна де Плешара, владельца Истейта, рыцаря лорда

Херрефорда и вдова рыцаря Филиппа де Варуна, хозяйина Хил-Хауса, погибшего две недели назад. Я ищу защиты от сына моего погибшего супруга Холта де Варуна и принца Юсташа, преследующих меня непристойными домогательствами.

Лицо настоятельницы потемнело, когда она услышала имя королевского сына. Она нахмурилась и отвела глаза:

— Прости, дочь моя, но в таких обстоятельствах я ничем не могу помочь тебе. Пойми, я не могу ставить под угрозу благополучие вверенной мне обители. А она будет поругана и возможно разрушена, если принц узнает, что я приняла тебя под защиту. Прости.

Вала беспомощно опёрлась на руки служанке. Слёзы выступили у неё на глазах.

— Что же мне делать, матушка? Куда идти в такую метель?

— Веруй в Господа, дочь моя, и он придёт тебе на помощь.

Теперь она смотрела прямо в глаза просительницы и добавила очень тихо, но твёрдо, даже с нажимом:

— Выйдя из ворот, поверните направо и ступайте вдоль стены обители.

Громко же добавила:

— Прощайте, и да хранит вас Господь.

Настоятельница повернулась и ушла, за ней последовали обе монахини. Привратница жалостливо посмотрела на падавших с ног женщин, но повела их к воротам и выпустила за стены монастыря в свирепую бушующую метель.

Оказавшись за воротами обители, где рассчитывали найти защиту и покой, женщины растерянно переглянулись.

— Никаких слёз, Иста, — твёрдо сказала госпожа. — Значит, нам придётся самим бороться за свою жизнь. Но лучше замёрзнуть под стенами святой обители, чем попасть в руки этих извергов в облике человеческом. Когда я вспоминаю взгляд того, кого величают принцем, не могу сдержать дрожи. Он ужасен, хуже лютого зверя. Пойдём, милая, Бог не оставит нас.

Они пошли вдоль высокой монастырской стены, ведя мулов в поводу, и уже почти наполовину обошли её, когда открылась маленькая калитка. Высокая, худая как жердь монахиня, приложив палец к губам, пригласила их войти. Несколько шагов, и они оказались перед дверью маленького, крытого соломой строения. Они вошли в него вместе с животными и блаженно расслабились. Здесь было намного теплей, чем на улице. На полу была набросана солома, в огороженном углу навалено сено, на скамье под стеной небольшой кучкой громоздились овечьи

шкуры. Монахиня знаками показала накинуть их и устроила женщин на скамье, прикрыв им ноги другими шкурами. Блаженство снизошло на усталых путниц — крыша над головой, широкая скамья и тёплые шкуры. Мулы пристроились к сену. Им тоже было хорошо.

Пригревшись под тёплыми шкурами, Вала задремала. Усталость брала своё, несмотря на крайнее напряжение и страх перед будущим. Она вздрогнула и открыла глаза, когда скрипнула дверь сарая. Вошла настоятельница. Она что-то тихо сказала высокой монахине, та кивнула и вышла. Настоятельница подошла к устроившимся на скамье путницам и жестом показала, чтобы они не вставали. Села рядом. Глаза её смотрели сочувственно.

— Прости, дитя моё, но я не могла поступить иначе, — сказала тихо. — Никто не должен даже догадываться, что я помогаю тебе. А теперь расскажи мне всё, что с тобой случилось.

И Вала поведала доброй женщине всё, ничего не утаила от неё... Та содрогалась, слушая подробности горестной драмы. Потом печально покачала головой:

— Мне страшно слушать твою повесть и трудно решиться сказать то, что мне ведомо, а тебе нет. Но ты должна это знать, дочь моя. Отец Ансельм, который исповедует нас, принёс известие,

что твой отец, славный рыцарь Оуэн де Плешар, минувшим летом пал в битве, обороняя границы владений нашего лорда. Так что тебе не приходится рассчитывать на его защиту. Поместье ваше король Стефан передал другому рыцарю, велел оберегать прилежащий к нему участок границы.

Сердце Вала сжалось от новой боли. Отец! Как же так? И она даже не проводила его в последний путь. Одна, совсем одна. Без дома и без родных. Только Иста при ней и осталась. Слезы защипали глаза и потекли по осунувшемуся лицу, руки нервно сжались.

— Не надо плакать, дитя моё, — ласково добавила матушка, погладив её по руке. — Тебе придётся быть сильной. Кто знает, как долог твой путь? Уходить надо как можно дальше и как можно скорее. И только на восток. Там, если повезёт, можно затеряться. Здесь же тебя быстро найдут. И забудь дорогу в Уэльс, туда тебе не пройти.

Вала кивнула, соглашаясь. Говорить она не могла.

И тогда мать Ранульфа поведала, как видится ей путь к спасению двух беглянок. Сегодняшний день они могут отдохнуть здесь. Она велит навесить на сарай большой замок, да никто и не придёт сюда по такой погоде. В сарае не слишком холодно, и они могут поспать, немного набраться сил. Но как только наступит ночь, надо уходить.

Уйти можно через заднюю дверь сарая и известную им калитку. Немного дальше за холмом располагается имение отца Ансельма. Там, на краю участка есть такой же сарай, где можно будет отоспаться весь следующий день. А потом, как стемнеет, двинуться в дальнейший путь. Метель к тому времени начнёт стихать, но успеет замести следы.

Матушка Ранульфа, разумеется, понимала, что самим им дороги не найти. Поэтому дала им в провожатые толкового помощника, пастушка Тима. Он, конечно, мал ростом и юн годами, но сможет быть полезным не хуже иного мужчины. Мальчик он сообразительный и не трус. Да и его вряд ли кто хватится, во всяком случае, до лета. Вот с мулом будет посложнее, но придётся сослаться на волков, они действительно бродят по округе зимой. Еды в дорогу им дадут — на первое время хватит, а там Тим сообразит, как добыть пищу.

Идти можно в двух направлениях: на юг, в Глостер или на север, в Шрузбери. Глостер ближе, но там менее надёжно. Настоятельница тамошнего монастыря вряд ли защитит путников, особенно если догадается, от кого они бегут. Шрузбери почти в два раза дальше, но зато там можно получить помощь. Настоятельница обители Святой Бригитты мать Иоанна женщина добрая и справедливая, она никогда не выдаст того, кто доверился ей.

Путь в Шрузбери неблизкий, идти придётся в обход больших усадеб и даже монастырям нельзя доверять. Возможно, придётся продвигаться больше по ночам, особенно в начале пути. Там будет разведывать дорогу. Ему-то можно заходить в обители. И никто не должен знать, что они идут вместе, так будет легче запутать следы, да и добывать пищу и всё необходимое в дороге.

Вошла высокая монахиня, в руках у неё была корзина с провизией. Женщинам предложили перекусить и отдохнуть. Уже уходя, настоятельница обернулась:

— Да, достаточно ли у тебя с собой денег, дочь моя?

Вала грустно покачала головой:

— Стыдно сказать, матушка, но нет совсем. В доме мужа мне денег в руки не давали. Всё, что у меня есть, это небольшое ожерелье из розового жемчуга — подарок тётки, сестры моей матери. Иста зашила его в подол моей юбки.

Мать Ранульфа понимающе кивнула и удалилась, пообещав прийти ближе к ночи.

Женщины уснули. Сон их был крепок. Хоть и не тоplen сарай, но от ветра защищает, а тёплые шкуры греют.

А матушка Ранульфа тем временем в своих покоях наставляла маленького пастушка, которого давала в помощь бедной леди.

— Ты должен понимать, Тим, — говорила она, — что получаешь от меня очень важное поручение. Леди нуждается в помощи, и ты должен постараться изо всех сил. Я знаю, ты сможешь, ты ведь никогда меня не подводил.

— Нет, матушка, и не подведу, — отвечал мальчик. — Я сделаю всё, что только смогу, раз вы просите меня. Вы так много для меня сделали, я этого никогда не забуду.

— Делать добрые дела — долг каждого человека, Тим. Помни об этом, мальчик.

Настоятельница рассказала, каким путём надлежит двигаться на восток и как лучше обезопасить женщин и себя. Только в Шрузбери станет ясно, что делать дальше. Леди должна покинуть эти места как можно скорее, не оставив следов, это важнее всего.

— Вы скажете мне, матушка, кто идёт по следам этой леди? — спросил мальчик. — Если я буду это знать, то смогу лучше её защитить и уберечь.

Мать Ранульфа задумчиво посмотрела на Тима и решила:

— Да, тебе стоит это знать. Сам принц Юсташ домогается её, Тим. Я бы очень хотела верить, что

он забыл о ней. Но не таков наш принц, это знают все. Он никогда и никому не позволяет нарушать его планы. Боюсь, он будет идти по следу беглянки.

Мальчик покачал головой, понимая всю трудность задачи. Потом вскинул подбородок, глаза его блеснули:

— Бог поможет нам, матушка. Мы справимся, верьте. И молитесь за нас.

— Да, Тим, — улыбнулась настоятельница, — я верю. И, конечно же, буду молиться за вас каждый день. А ты запомни: ты должен идти с леди так далеко, как этого потребуют обстоятельства. Если нужно, останься при ней до конца. И постарайся передать мне весточку из Шрузбери.

Поздно вечером Тим проник в закрытый сарай и привёл с собой взнузданного мула с полными седельными сумками. Он предстал перед леди, которая сильно испугалась от неожиданности, но, увидев мальчика, успокоилась.

— Я Тим, леди, и буду вам служить в дороге, — прозвучали спокойные слова. — Матушка настоятельница велела мне заботиться о вас, и я сделаю всё, что смогу, обещаю вам. Я знаю, какой лютой зверь охотится за вами, и постараюсь быть очень осторожным.

Вала не могла не улыбнуться, слушая спокойные и разумные речи, которые произносил

этот маленький, но такой уверенный в себе мальчик.

— Сколько тебе лет, Тим? — спросила она.

— Осенью сравнялось двенадцать, леди, — был ответ. — Но вы не смотрите, что я мал ростом. Я сильный, правда.

Ей хотелось погладить по голове этого ребёнка, но она понимала, что этим может обидеть его, ущемить его мужскую гордость. Ибо перед ней действительно был маленький мужчина, рано повзрослевший и полный веры в себя. Непонятно почему, но она тоже сразу поверила в него, и на душе стало спокойнее.

— Договорились, Тим. Отныне я вверяю твоей заботе две жизни: свою и моей служанки Исты, которая очень дорога мне. Кроме неё у меня никого не осталось рядом. Правда, теперь появился ты, и я очень этому рада, — улыбнулась женщина.

Тим с достоинством кивнул головой и стал готовиться в путь. Были увязаны в тюки несколько тёплых овечьих шкур и приторочены к седлу мула, на котором предстояло продолжить путь Исте. В седельных сумках мула, принадлежащего леди, были их немногочисленные пожитки, которые взяли в дорогу из оставленного позади поместья. Туда же добавили пару тёплых одеял. Ещё три одеяла поместили на мула Тима и там же были

съестные припасы в дорогу. Вот и всё. Они готовы в путь.

После недолгого ожидания появилась настоятельница в сопровождении своей верной помощницы (как сказал потом Тим, женщина была немая, но всё слышала и была безгранично предана матушке). Мать Ранульфа тепло улыбнулась путникам, отметив их полную готовность. Недавно пробила полночь, и было самое время отправляться в путь.

— Ну, а теперь последнее, дочь моя, — сказала она. — Когда достигнете обители Святой Бригитты, дашь настоятельнице эти чётки, она поймёт, что ты от меня. С ней можешь быть откровенной как со мной. Но больше ни с кем. Называй себя впредь только именем отца и не упоминай ни имени погибшего мужа, ни названия поместья. Во всём доверяйся Тиму, он не подведёт. И благослови вас Господь.

Она осенила их благословляющим крестом. Потом протянула леди маленький мешочек, в котором звенели монеты.

— Здесь немного серебра вам в дорогу, — добавила. — Жаль, что не могу дать больше. Но надеюсь, что матушка Иоанна тоже поможет вам.

Вала едва сдержала слёзы. Она преклонила колени перед настоятельницей и горячо поцеловала её руку:

— Вы спасли мне жизнь, матушка, и доброта ваша не имеет границ. Я никогда не забуду вас и стану молиться за ваше благополучие и процветание вашей обители до последних своих дней.

— С Богом, дети мои, пора. Я тоже буду молиться, чтобы Господь отвёл от вас беду.

С этим трое путников с мулами в поводу прошли через заднюю дверь сарая и калитку в стене, и метель поглотила их.

Когда после окончания метели вооружённый отряд принца появился у ворот монастыря, мать Ранульфа поняла, насколько была права, спрятав беглянок за пределами стен обители и велел им отправиться в путь, не дожидаясь завершения непогоды. Она с чистыми глазами клялась в своей непричастности к покровительству сбежавшей леди и от души надеялась, что Господь отпустит ей этот грех, ведь она спасала человеческую жизнь. Даже отцу Ансельму, думала она, не стоит знать о её маленьком прегрешении — зачем отягощать его чувствительную совесть. То, что ожидало молодую женщину, попади она в руки этого лютого зверя, ясно читалось в его взгляде, полном жестокого и мрачного упорства. Да, он не выпустит добычу из рук. И значит, путь бедной леди предстоит далёкий. Только где-то на Севере она, пожалуй, сможет

найти надёжное прибежище. У сына короля большая власть, длинные руки и множество преданно служащих ему злобных псов в воинском облачении, привыкших охотиться за людьми.

Мать-настоятельница внимательно наблюдала с галереи храма за отъездом воинов. Сердце рвалось на части от жалобных криков молодой послушницы Агнес, которые сменились надрывающими душу мольбами и стонами, когда с дюжину воинов сгрудились возле её брошенного на снег тела. Не скоро забудет мать Ранульфа её стенания, но помочь бедняжке она бессильна.

Через некоторое время отряд выстроился в походный порядок и тронулся на запад. Стало понятно, что принц рассчитывает найти беглянку в её отчем доме. Что ж, пусть ищет. Это даст время женщинам опередить своих преследователей. Конечно, они не могут ехать быстро и вынуждены соблюдать осторожность. И всё же какое-то преимущество у них есть.

Мать-настоятельница дождалась, пока отряд скроется из глаз, спустилась в свои покои и призвала Джона, который всегда выполнял её поручения за пределами обители. Она объяснила ему, что для завершения работы над новым алтарным покровом срочно необходимы золотые нитки, коих не оказалось в нужном количестве. Джон знает мастера Тимолта в Шрузбери, у

которого они всегда берут ткани и нитки. И коль уж он будет там, следует передать матери Иоанне молитвенник, который она давно дожидается. Конечно, нелегко отправляться в дальний путь по такой погоде, но что поделаешь, если есть надобность. А Джон ведь сильный и выносливый мужчина, и лошадь он может взять самую быстроногую. Джон, разумеется, согласился без колебаний, принял из рук матушки кошель с деньгами и незамедлительно отправился в путь. Он привык беспрекословно подчиняться её наказам и исполнять их самым добросовестным образом.

Через пять дней Джон был уже в обители Святой Бригитты. Мать-настоятельница приняла из его рук молитвенник и, благословив посланца, отправила его поесть и отдохнуть перед обратной дорогой. Оставшись одна, она открыла молитвенник и в укромном уголке под дорогой кожей нашла маленькую записку. Прочтя её, монахиня глубоко задумалась. «По следам леди, которая попросит у вас убежища, идёт Дикий Принц. Помогите ей всем, что в ваших силах. Свою историю она расскажет сама. М.Р.» — так было написано на маленьком клочке пергамента. Да, было над чем подумать настоятельнице.

Путь до Шрузбери оказался долгим и очень нелёгким. Мулы, хоть и были выносливы, не могли

тягаться в скорости с сильными лошадьми. Вот когда Вала снова вспомнила своего Грома. Как жаль, что великолепный конь остался во власти этого злобного ничтожества Холта де Варуна. Плакать она себе не позволила, но сердце ныло.

Путников спасало то, что после метели погода установилась ясная и без сильных морозов. Первые три дня они передвигались по ночам, благо небо было чистым, а луна полной. Днём отдыхали там, где удавалось найти приют. Они обходили большие поместья и монастыри, опасались не только заходить в попадавшиеся на пути селения, но даже близко подходить к ним, не желая, чтобы собаки выдали их. Первый день провели в заброшенном овине, на второй пришлось укрыться в небольшом леске, где Тим умудрился соорудить уютный маленький шалаш. Проехав следующую ночь, они остановились недалеко от большого мужского монастыря. Утром женщины спрятались в неглубоком овраге за монастырскими полями, а Тим отправился на разведку в обитель. Там он рассказал жалостливую историю о своём недужном родителе, который живёт неподалёку от Шрузбери и ждёт сына как помощника и опору. По крайней нужде его раньше отдали в услужение одному фермеру, живущему на берегу реки Уай, там мальчик пас овец и помогал по хозяйству. Но сейчас он нужен родителю и продвигается к нему,

несмотря на зиму и холод. Кто знает, сколько осталось жить батюшке? Мальчика интересовало, правильно ли он держит путь. Как лучше и быстрее двигаться дальше? И не дадут ли святые отцы ему своё благословение? Святые отцы накормили отрока, благословили его и дали небольшой узелок с едой в дорогу в придачу к обстоятельному пояснению, как прямее добраться до цели его путешествия.

Дальше рискнули двигаться днём, по-прежнему избегая больших дорог и населённых мест. Но на ночлег попросились в захудалый постоялый двор, хозяин которого был чрезвычайно рад полновесной серебряной монете, что перешли в его руки. Зато мулы были накормлены и поставлены в конюшню. Сами путники получили горячий ужин и возможность спокойно поспать — пусть на соломе, но в теплом доме. Любопытному хозяину была поведана трогательная история Тима и в дополнение к ней не менее душещипательная повесть о любящей дочери, совершающей паломничество к мощам Святой Бригитты, которые, всем известно, по искренней молитве исцеляют от многих болезней. А матушка молодой женщины очень нуждается в помощи святой, поскольку страдает болезнью ног и сама передвигаться уже не может. Большое несчастье постигло их в пути, когда на обоз, с которым они ехали, напали

вооружённые люди. Пока впереди кипело сражение, им троим удалось отстать от обоза и спрятаться в леске. Теперь приходится передвигаться самим, а это страшно и опасно. Тим хлопнул носом и вытер лицо рукавом. История была вполне правдоподобной, и им поверили.

Придуманной Тимом истории придерживались и в последующие дни, когда с большой осторожностью прибегали к помощи посторонних. А последний отрезок пути действительно прошли с обозом,двигающимся в сторону Шрузбери.

Когда величественный замок в излучине реки Северн открылся взглядам путников, Вала ахнула. Она никогда не видела ничего подобного и даже не предполагала, что на свете существуют такие огромные строения. Приближался вечер, и путники поспешили пересечь широкую замёрзшую реку по каменному мосту и въехать в распахнутые до темноты ворота. Стражники зорко осматривали всех въезжавших в город, но ни две измученные женщины, ни худой мальчишка подозрения у них не вызвали. Беглецы оказались, наконец, у цели их путешествия.

Сам город потряс Валу не меньше, чем замок. Сколько домов! Как могут люди жить в такой тесноте и близости жилищ друг к другу? Но смотреть по сторонам особенно было недосуг,

главное — узнать дорогу к обители и повидать матушку Иоанну. Тим отправился на поиски монастыря, женщины с мулами остались в узкой улочке недалеко от ворот, спрятавшись в глухом закоулке у стены.

Тим вернулся хмурый и повёл их по извилистым улочкам к монастырю. Там он провёл Валу ко входу в церковь, ещё теплившуюся свечами немногих прихожан, и показал как найти мать-настоятельницу. Пусть она сама скажет леди, насколько плохо обстоят их дела. Тим же просто не мог смотреть в её измученные глаза. Их путь далёк от благополучного завершения.

Матушка Иоанна приняла Валу с добротой и участием, но поведала, что не может сделать для неё слишком многого. Оставив её молиться у мощей Святой Бригитты, сказала, что пришлёт за ней через час-другой. Успокоила, что о её людях позаботятся.

Когда Вала, измученная и продрогшая до костей, уже едва могла выдержать коленопреклонную молитву у раки святой, за ней пришла тихая незаметная монахиня и повела её вглубь монастырской территории. Открыв неприметную дверь в задней стене большого дома, она провела путницу в маленькую тёплую комнату и оставила там. Вскоре появилась мать Иоанна, в руках у неё был кубок с вином и скромный ужин.

— Ничего, дочь моя, — успокоила она, — в твоём положении можно и нужно выпить вина. Поешь и немного согрейся. И не волнуйся за своих людей, они накормлены и в тепле. Ты же расскажи мне свою историю. Кое-что я уже знаю, поскольку мать Ранульфа передала мне весточку. Но мне надо узнать всё, чтобы помочь тебе.

Немного утолив голод и выпив согревающего напитка, Вала рассказала матушке свою трагическую историю, так же откровенно и честно, как в обители Святого Фрайдсуайда — она помнила наставления доброй монахини, спасшей ей жизнь. История произвела сильное впечатление на матушку Иоанну. Но не меньше впечатлило Валу известие о том, что принц, вопреки её надеждам, вышел-таки на охоту и твёрдо намерен изловить беглянку. Это было страшно. Куда бежать? Где спастись?

Мать-настоятельница покачала головой:

— Положение и, правда, отчаянное, дочь моя. Но не стоит терять веру в милость Господа нашего. Цели достигает лишь тот, кто к ней упорно идёт, не боясь ничего. Ты справишься. Ты сильная, дочь моя. И ты не одна. А я помогу тебе.

Потом они вместе обсудили план дальнейших действий. Продумано было всё до мелочей. Уходить было решено рано утром днём позднее. А пока немного набраться сил. Днём Вала должна

была долгое время молиться у мощей Святой Бригитты, чтобы любопытные глаза, если таковые найдутся, видели её усердие. Защита святой, и правда, будет полезна ей и её спутникам. Дальнейший путь они обговорят следующей ночью. А пока Вала может остаться в этой комнате и отдохнуть здесь. Тут её никто не побеспокоит.

Расставшись с доброй монахиней, Вала рухнула на постеленный в углу матрас и заснула глубоким сном. Утром она подкрепилась принесенным ей завтраком и отправилась в храм. Там она прослушала мессу и долго молилась у раки святой. Когда она направилась к выходу, оборванный мальчишка подошёл к ней и попросил милостыню. Женщина остановилась и вложила пальцы в руку попрошайки, как бы вкладывая монетку, шепнув при этом несколько слов. Днём она отдыхала в отведенной ей комнате. Вечером снова состоялось беседа с настоятельницей, последние наставления и кошель денег в руку. Слезы не удержались и потекли по щекам. Второй раз она получала помощь из рук благочестивых женщин, посвятивших свою жизнь служению Богу. Слова благодарности излились из самого её сердца, чем тронули добрую матушку, умевшую отличать искренность от притворства.

Рано утром следующего дня две монахини верхом на мулах покинули город и направились по

дороге на Честер. Это никому не показалось странным. Как не привлек ничего внимания и худой мальчишка, выехавший немного позднее с группой торговцев. В отдалении от городских ворот, когда их уже не было видно, трое путников воссоединились и повернули своих мулов на дорогу к Ноттингему. Там, в небольшой рощице они дожидались обоз торговцев,двигающихся в том же направлении, и присоединились к ним. Дорога на север продолжалась.

А матушке Ранульфe был отправлен известный ей молитвенник, с которым ушла весточка, что путники отправились в Ноттингемское аббатство.

Передвигаться с обозом было намного легче. Ночевали в странноприимных домах монастырей либо на постоянных дворах. Это было весьма кстати, так как зима брала своё, и морозы крепчали. Три дня пришлось потерять, когда их застал в пути сильный снегопад с ветром; не такая метель, которая помогла беглянкам скрыться из Хил-Хауза, но тоже серьёзна помеха в дороге. Хорошо, что они были совсем недалеко от маленького монастыря на берегу реки Трент. Там и нашли приют. В обозе ехало ещё три женщины: две пожилые и одна молоденькая, худенькая, как девочка. В компании с ними беглянки чувствовали себя спокойнее. Монашеское одеяние они сбросили ещё в лесочке,

поджидая обоз, и теперь ничем не отличались от остальных путниц. Тим крутился возле мужчин, оказывая им мелкие услуги и стараясь угодить старому Хемтсу, главному в этом обозе. Приближалось Рождество, а они были ещё далеки от цели.

Торговцев беспокоил проезд через Шервудский лес: там пошаливали разбойники и водились волки. Охрану обоза усилили, оружие раздали всем мужчинам, даже Тим получил лук и стрелы — он умел ими пользоваться. Чтобы не привлекать к себе ненужного внимания, Вала не попросила оружия, но Тима предупредила, что отлично стреляет. И когда в один из вечеров обоз задерживался с достижением очередной цели путешествия — постоялого двора, их попыталась взять в клещи большая волчья стая. В таком положении больше всего полезными оказывались лучники, а их было немного. Тогда-то Вала взяла в руки лук и отличными выстрелами положила трёх волков. Одного убил Тим, ещё четырёх достали стрелы охранников. Хищники отстали от обоза, и вскоре путники достигли человеческого жилья. Женщины ахали и восхищались смелостью и меткостью Вала, даже охранники заметили её успехи, а старый Хемтс прочувствованно благодарил её за помощь. Такое редкое для женщины умение вызвало, конечно, любопытство

спутников, и пришлось рассказать историю о детском увлечении луком, которое привили ей старшие братья. С тех пор она и лука в руки не брала, но в нужную минуту детское увлечение сослужило хорошую службу. С этим охотно согласились, и больше к этому вопросу не возвращались.

Ноттингем возник перед ними на холмах над рекой двумя замками, контролирующими переправу через Трент. Один из них, старый, как объяснил старший из охранников, построили саксонцы ещё до прихода Великого Вильгельма, другой возвели по повелению Завоевателя. Огромная военная крепость гордо возвышалась на холме. Проехав в ворота города, беглянки расстались с обозом, тепло поблагодарив спутников за защиту и помощь в дороге. Их путь лежал на восточную окраину города, где под самой городской стеной приютился маленький женский монастырь, к настоятельнице которого они имели рекомендацию. Незаметно отделился от обоза и Тим, как бы затерявшийся в большом городе. Он догнал своих спутниц и присоединился к ним.

Когда маленькая группа достигла стен монастыря, Вала намеревалась пойти прямо к настоятельнице и попросить у неё помощи. Но осторожный Тим не позволил ей этого. Он настоял, чтобы путники устроились в небольшом постоялом

дворе неподалёку, а сам отправился узнать, чем здесь пахнет, как он выразился. И чутьё не подвело мальчика. Покрутившись по городу и возле монастыря, он принёс тяжёлую весть. Здесь уже было известно, что люди принца Юсташа разыскивают трёх женщин, совершивших тяжёлое преступление. Многие из жителей города были готовы помочь в поисках, рассчитывая на вознаграждение. В монастырь идти было нельзя, их проверяли в первую очередь. Надо было найти убежище и скрыться прежде, чем кому-то придёт в голову расспрашивать их, откуда и зачем они прибыли.

Женщины, дрожа от ужаса, уединились в маленькой комнатушке, которую сумели получить за двойную цену. Здесь они дожидались Тима, который отправился выискать хоть какое-нибудь место, могущее послужить убежищем. Идти дальше они не могли. Зима, мороз и никакой помощи. Им нужна была передышка.

Поиски настырного Тима увенчались-таки успехом. Он узнал, что в Ноттингеме есть место, которое называют подземным городом — это лабиринт созданных рукой человека пещер, в которых нередко находят приют те, кто не в ладах с законом. Всё лучше, чем охотники за людьми. Тим взялся за изучение местности. Он нашёл более-менее безопасный вход в одну из пещер за

северной стеной города. Там мальчик выискал небольшое ответвление в лабиринте, которое можно было легко отделить от основного хода, и к большой своей радости обнаружил маленький отдельный выход из него, почти невидимый снаружи. Теперь нужно было пристроить где-то своих мулов и перебраться в новое убежище. Переселение удалось совершить почти незаметно, правда, и Валу, и Исту пришлось переодеть мужчинами — так было спокойнее. И началась их пещерная жизнь. Самым трудным было переносить холод. Грелись, как могли, используя все одеяла и овечьи шкуры. Тиму удалось натаскать в их убежище еловых веток, которыми они устлали землю под своей общей постелью. Купить еду можно было на рынке, не привлекая особого внимания и не пользуясь услугами одних и тех же торговцев.

В этих мало пригодных для жилья условиях они провели почти весь январь и начало февраля. Время от времени переодетые в мужскую одежду женщины выбирались вместе с Тимом в город, заходили в харчевни и с наслаждением ели горячую пищу. Было очень трудно не выдать себя. Иста ещё могла говорить низким голосом, похожим на мужской, но голос Валы был нежным и мелодичным. Такой голос никак не мог принадлежать мужчине, и ей пришлось изображать

немного. Все переговоры вёл в основном Тим. Такое постоянное напряжение очень утомляло женщин, и они долго приходили в себя после этих вылазок.

Прогуливаясь возле женской обители, Тим однажды услышал, что её недавно посетили люди принца. Они допросили настоятельницу и всех монахинь, спрашивая о двух женщинах, которые искали приюта. Никто не видел и не слышал ничего подобного. Какое счастье, что он прислушался к своему внутреннему голосу и не пустил леди в монастырь! Тим был умным мальчиком и обратил внимание, что ищут уже не трёх, а двух женщин. И это могло означать лишь одно — преследователи напали на след обоза. Надо было уходить из города.

Глава 4

Принц Юсташ был раздражён и зол до крайности. Подумать только, эта непокорная сука, вдова какого-то захудалого рыцаря пренебрегла его волей, сбежала, лишила удовольствия, которое он уже предвкушал. Её белое тёплое тело вызвало в нём сильное желание. Тёмные, отливающие золотом волосы и глаза, которые показались глубокими как омут, манили его. Он ведь ясно высказал своё пожелание, а она... Что ж, ей придётся ещё не раз пожалеть об этом, когда он отыщет её. Живой ей от него не уйти. И поделом.

Неподчинение воле особы королевской крови, будущего короля Англии равносильно государственной измене и карается смертью. Только её смерть будет долгой и мучительной, он не позволит ей уйти быстро.

Жестокий взгляд принца, освещённый изнутри тёмным опасным пламенем, пугал даже его видавших виды воинов. Когда у их господина бывало такое выражение лица, они предпочитали держаться от него подальше и лишний раз не попадаться на глаза. Но сейчас спрятаться было некуда. Люди притихли. Рядом с принцем ехал капитан его отряда, самый верный и надёжный его помощник, не раз выполнявший трудные и щекотливые поручения своего господина. Джек Толбет был беспредельно предан принцу, поскольку тот поднял его из самых низов и сделал рыцарем. Кроме того, будучи сам крайне бессердечным человеком, не ведающим жалости и сострадания, он с удовольствием разделял жестокие развлечения Юсташа, был лучшим в его своре гончих и славился тем, что никогда не упускал добычу.

Отряд продвигался на восток, к Вустеру.

— Ну и что ты скажешь, мой верный пёс? — повернулся принц к своему капитану. — Куда могли направиться эти неразумные женщины?

— Я чувствую, мой господин, что они где-то на востоке. В Вустер они вряд ли подадутся, а вот в Глостер или в Шрузбери вполне могут. Там большие монастыри, в них легче укрыться.

— Пожалуй, ты прав, Джек. Направим коней на север.

Дорога на Шрузбери была неблизкой, но выносливые опытные воины на отличных конях легко справлялись с тяготами пути. Они ночевали в поместьях и монастырях, получали всё самое лучшее и рано поутру отправлялись дальше, оставив за спиной вздохнувших с облегчением хозяев — королевский сын был не самым желанным гостем. И хотя многие в стране знали, что церковь противится помазанию Юсташа на царствование и будущее его неопределённо, никто не решался возражать ему или не выполнять его требований.

На исходе восьмого дня отряд на рысях ворвался в городские ворота. Принц направился в крепость, где комендант предоставил ему лучшие покои и велел устроить пир в честь прибытия важного гостя. Здесь Юсташа ждал гонец от отца. Король требовал срочного возвращения сына. Императрица Матильда, как всё ещё называли дочь Генриха Боклерка, несколько поутихла последнее время, но её юный сын выразил твёрдое намерение бороться за корону. Вторжение войск с материка

ожидалось со дня на день, несмотря на зимние холода и частые штормы.

— Щенок, — злобно пробормотал принц. — Мальчишка явно нарывается на неприятности. Надо поубавить ему спеси и научить наглеца уму-разуму.

От этого призыва нельзя было отмахнуться. Речь шла о будущем царствовании. Поэтому принц принял решение поручить дальнейшие поиски беглянки Джеку Толбету, оставив ему небольшой отряд из пяти человек — для поисков это даже лучше. Но настоятельницу монастыря Святой Бригитты он посетил лично. Мать Иоанна клялась, что ничем не может помочь принцу, как бы ни хотела. Когда же Юсташ спросил её напрямую, что за дама появилась здесь несколько дней назад, настоятельница вспомнила, что действительно видела в храме молодую женщину, усердно молящуюся у мощей святой Бригитты, и даже дала ей своё благословение. Но кто эта дама, откуда она появилась и куда исчезла потом, матушка не знает. Она смотрела принцу в глаза прямым честным взглядом и говорила уверенно. Другие монахини ничего не смогли добавить, когда их подвергли допросу. Люди принца проверили все постоянные дворы, но нигде женщины, похожей по описанию на беглянку, замечено не было. Среди опрошенных стражников один вспомнил, что четыре дня назад рано утром две монахини, усердно закрывающие

лицо, покинули пределы города. На вопрос, куда они держали путь, стражник ответил уверенно — на Честер.

Что ж, это возможный вариант. Город расположен у северо-восточной границы Уэльса с Англией. Может быть, беглянки пробиваются к валлийцам? Их было двое, но это ничего не меняет. Старуха просто могла не выдержать трудного пути. В Честере возводится большой собор, есть монастырь на реке Ди. Это стоит проверить.

В тот же день Джек Толбет со своими воинами отправился по Честерской дороге. Принц Юсташ покинул Шрузбери утром следующего дня и двинул свой отряд на Лондон. Он знал, что верный Джек не подведёт, беглянка будет поймана и доставлена к нему. А пока вполне можно заняться приятным делом сбивания спеси с мальчишки Генриха. Юсташ считал себя сильным воином и верил в свою воинскую доблесть.

Поездка в Честер заняла пять дней и ни к чему не привела. Никаких следов. Да и звериное чутьё Джека молчало. Поэтому, вернувшись в Шрузбери, он ещё немного походил по городу, разнюхивая обстановку. И был вознаграждён за своё усердие. Один из торговцев поведал ему, что недавно выезжал с обозом в Ноттингем, но приболел в пути и вынужден был вернуться домой, благо, отъехали недалеко. В обозе остался его сын, на которого отец

переложил все дела. Когда они покинули город, к ним присоединились две женщины, одна молодая и довольно красивая, явно леди. Другая женщина постарше, некрасивая, она была похожа на служанку. Что было дальше в пути, торговец знать не мог, но его сын и сейчас ещё в Ноттингеме, товара у него много. А сам он рад услужить людям короля.

Джек почуял запах дичи. Он спросил имя молодого торговца и где его можно найти и, не теряя ни минуты, двинулся в путь. Ехали быстро, коней не жалели — рыцарь очень хотел как можно быстрее выполнить поручение господина.

Добравшись до Ноттингема, Джек легко разыскал Сэма Ньюберта, и тот охотно поведал ему историю их поездки. Да, женщины, правда, были, отец всё верно сказал. Они прошли с обозом весь путь. В дороге не особенно разговаривали с попутчиками, о себе не рассказывали. Но когда случилась беда — на обоз напали волки, молодая женщина повела себя необычно. Она взяла лук и очень метко стреляла по хищникам, убила трёх. Когда её спросили, где она освоила такое мастерство, сказала, что её научили старшие братья. Сразу на въезде в город, женщины отделились от обоза, и больше о них никто ничего не слышал. Джек нашёл ещё кое-кого из этого обоза, но ничего нового не услышал. История с волками и меткой

стрельбой из лука показалась странной. Но Джек нюхом чуял, что это была именно та женщина, которую они ищут. Но где она делась? В монастыре никто ничего не видел — беглянки здесь не появлялись. Обойдя постоялые дворы, тоже ничего не нашли. Хозяева не видели никого похожего на разыскиваемых женщин. Только на одном постоялом дворе, что находился близ монастыря, хозяин ничего не смог сказать им — три дня назад его внезапно разбил паралич, и он потерял речь.

Джек упорно ходил по городу, прислушивался к разговорам на рынке и в тавернах, но интересного ничего не узнал. Время шло. Нужно было принимать решение. Возвратиться ни с чем он не мог. Доверившись своему чутью, он решил, что женщины уходят на север, и двинулся на Йорк. Этот хорошо укрепленный город может быть привлекательным для тех, кто хочет замести следы. Джек намеревался попасть в город как можно скорее, пока зимняя дорога не сменилась весенней распутицей. Там он и будет ожидать беглянок, если они ещё не достигли цели.

Тем временем, беглецы, напуганные новостями, что узнал Тим, спешно собирались покинуть своё пристанище. Мальчик купил еды в дорогу, забрал мулов с постоялого двора и упаковал вещи. После всех необходимых выплат оказалось,

что денег у путников почти не осталось, и это очень их огорчило. Вала хотела продать своё ожерелье, но они не решились сделать это здесь. Всё же их могли узнать торговцы из обоза, и тогда уже ничто их не спасёт. Решили идти в Линкольн. Это был большой город с собором и замком, возможно, там им повезёт больше.

Они не успели добраться до реки Уитем, как разразилась метель, третья за их долгую дорогу. Продвигаться вперёд было невозможно, ночевать без крыши над головой тоже. Путники пали духом. Их спасло то, что послышался звук церковного колокола. Продвигаясь на этот звук, они вышли к большой усадьбе. Это не был замок, однако поместье было очень хорошо укреплено: высокий каменный забор со сторожевыми башнями, глубокий ров, подъёмный мост. Выбора не было — если не попросить помощи у людей, остаётся погибнуть в открытом поле. И они решились. С трудом докричались до стражника на ближайшей башне. Когда их впустили во двор поместья, они едва держались на ногах. Конюх принял у них мулов, Тим из последних сил поплёлся разгрузить поклажу и взять для госпожи необходимые вещи. Иста поддерживала хозяйку, сама едва не падая с ног. Когда их ввели в большой зал, от тепла и света хотелось заплакать. Обитатели поместья с удивлением смотрели на нежданных гостей, но

благоразумно оставили все расспросы на потом. Путникам дали подогретого вина и выделили маленькую, но тёплую комнату рядом с кухней. Есть они были не в силах.

Утром, когда был снят вынужденный маскарад, стало ясно, что двое из путников женщины, причём одна из них леди, а третий — мальчик. Надо было давать объяснения, и Вала призналась, что её преследуют по ложному обвинению в преступлении, которого она не совершала, а верные слуги страдают вместе с ней. Хозяева удовлетворились этим. Путникам предоставили убежище.

Поместье Стоунэджд принадлежало сэру Саймону Вудвилу. Его жена леди Сесили, две их дочери и сын составляли семью рыцаря. Старшая дочь супружеской четы Вудвилл пребывала в монастыре в Йорке.

Вала понимала, что людям, приютившим её со слугами, придётся раскрыть больше, чем она уже сказала, — нельзя вызывать недоверие к себе, от которого один шаг к подозрению в неблагоприятных целях. Она мучительно размышляла о том, что именно может говорить, а что следует утаить. Но всё получилось гораздо проще. Когда днём гостя сидела вместе с хозяйкой в маленькой гостиной, та вдруг утёрла слёзы, оторвавшись от шитья, которым была занята.

— Моя бедная старшая дочь тоже пострадала безвинно, — сказала она. — Девочка и не думала о монастыре, а оказалась там. Уже больше чем полгода прошло, а я всё не могу привыкнуть к этому горю.

Вала посмотрела на женщину с искренним состраданием и попросила её рассказать историю дочери, если, конечно, это можно.

— В нашей беде нет ничего зазорного или такого, что следовало бы утаивать, — был ответ. — Здесь не Лондон, власть короля тут не так прочна, и кое-кто открыто поглядывает в сторону молодого Генриха Плантагенета. Поэтому то, что сотворил принц Блуаский, вызвало у многих возмущение. И лучше бы ему не показываться в наших краях.

Услышав имя Юсташа, Вала вздрогнула и насторожилась.

История оказалась достаточно грязной, что, впрочем, её не удивило, коль в дело оказался замешан наследник престола.

Юная Кэтрин, красивая и весёлая, была помолвлена с сэром Робертом Хеем, сыном сводной сестры лорда Перси. Молодые люди любили друг друга, и родители уже говорили о свадьбе, поскольку девушке весной исполнялось пятнадцать. День бракосочетания наметили на середину лета. В конце мая семья отправилась в Йорк, где живёт сестра сэра Саймона леди Анна, и откуда гораздо

ближе и к владению сэра Оуэна Хея, отца жениха, и к замку самого лорда. На их беду в это же время в город прибыл принц Юсташ. Его торжественно принимали в епископском дворце, по этому случаю был дан торжественный приём. Здесь-то принц и увидел Кэтрин. Её живость и удивительная чистота привлекли его внимание. Но когда он попытался сблизиться с ней, девушка испугалась и стала его избегать. И всё же от прямого разговора уйти не удалось. Принц признался, что она ему очень понравилась, и он сочтёт за счастье обладать ею. Всем было известно, что принц несвободен. Его жена, сестра французского короля, почти никогда не показывалась вместе с ним. Но она была, поэтому речь могла идти только о роли любовницы. Принц уверял, что это очень почётная роль, и она окажет великое благодеяние своей семье, сможет многое сделать для родителей и родственников, когда обоснуется в его замке неподалёку от Лондона. Девушка с ужасом слушала эти страшные слова. Она открыла принцу, что обручена с человеком, которого любит и с которым мечтает прожить всю жизнь. Кэтрин со слезами на глазах умоляла королевского наследника отказаться от своих намерений. Ответом ей был мрачный и жестокий взгляд, от которого девушка похолодела. Двумя днями позже с Робертом случилось несчастье — его лошадь понесла, он не смог

справиться и погиб при падении. Его отпевали в епископской церкви. Когда принц Юсташ подошёл выразить девушке своё соболезнование, глаза его сверкнули таким откровенным торжеством, что сомнений не осталось — трагический случай был делом его рук.

— Не печальтесь, леди, — тихо сказал он, — мы скоро увидимся с вами.

На другой день Кэтрин отправилась в монастырь, и никто не смог отговорить её. Она была в отчаянии от потери человека, которого любила, и в ужасе от того, что её ждёт, останься она с родителями. Несмотря на молодость и наивность, девушка понимала, что спасения нет. Её может скрыть только монашеский обет. И она приняла его почти что сразу. Настоятельница монастыря мать Джулиана, кузина почившего супруга леди Анны, не стала чинить препятствий, когда узнала эту историю. Так молодая, полная жизни девушка навсегда оказалась запертой за монастырскими стенами, а сердце матери обливается кровью, когда она думает об этом.

— Будь проклят принц Блуаский, — жёстко сказала она. — Я надеюсь, что очень скоро черти в аду примут его душу.

Услышав эту печальную повесть, Вала не удержалась и поведала бедной матери свою историю. А потом они долго плакали, обнявшись.

С этого времени Вала и её слуги стали желанными гостями в Стоунэдже. Ни о какой оплате за гостеприимство речь не допускалась. Больше того, для Валы были переделаны некоторые платья Кэтрин, чтобы беглянка смогла достойно продолжить свой путь.

К обсуждению дальнейших действий был привлечён сэра Саймон. Когда ему была поведана история Валы, рыцарь тихо, но яростно выругался и со своей стороны пообещал сделать всё возможное, чтобы она не попала в лапы к этому разнузданному чудовищу.

— Однако дела обстоят не так просто, как нам бы хотелось, леди, — сказал рыцарь. — Вокруг достаточно людей, готовых предать ближнего своего за мелкую монету. Кроме того, и в этих краях есть сторонники короля Стефана и люди, готовые служить его порочному сыну, видя в нём будущего властелина страны. Хотя здесь многие стали на сторону императрицы Матильды и её сына.

Оценивая положение, сэра Саймон решил, что, прежде всего, нужно придумать историю, объясняющую, как и почему Вала попала в его поместье. Лучше всего, конечно, выдать её за их дальнюю родственницу, скажем, кузину покойной жены дядюшки леди Сесили сэра Джеффри Уэсли, который живёт в Манчестере. Она с отрядом

воинов якобы ехала поклониться мощам Святого Ботольфа и попросить исцеления для своей больной матушки. Однако жестокая метель разметала их, и женщина осталась лишь с двумя слугами. Кстати её саму лучше называть, скажем, Элизабет Конниг. Для верности сэра Саймон рассказал немного о Манчестере — небольшом торговом поселении, расположенном в отрогах Пеннинских гор, на реке Эруэлл.

Касательно плана дальнейшего пути Валы сэра Саймон высказался совершенно определённо — ей надо уходить дальше на север. Здесь оставаться опасно. У людей большие уши и длинные языки. Как только пройдёт весенняя распутица, он сам намерен ехать вместе с женой в Йорк, чтобы проведать Кэтрин. Это очень удобно для Валы. Гораздо безопаснее для неё ехать с большим отрядом. Кроме того, в Йорке можно остаться незамеченной, поселившись в доме леди Анны. А там можно будет узнать о верных псах принца. Они, скорее всего, будут искать беглянку в монастыре. Там, в Йорке станет понятнее, куда продвигаться дальше. Сам сэра Саймон считает, что идти надо как можно дальше на север, в Приграничье. Надо поговорить с надёжными людьми и узнать, кто может помочь в этом.

Так и порешили. А пока зима властвовала над землёй, путники отдыхали от долгого и трудного

пути. Тим помогал конюху поместья ухаживать за лошадьми и с любопытством расспрашивал о здешних местах, людях — он хотел быть готовым к любым неожиданностям. Иста занималась хозяйством, приводя в порядок её саму и туалеты, ведь теперь ей предстояло ехать дальше как леди, в достойном окружении. Сама Вала охотно помогала леди Сесили в шитье и вышивании, много беседовала с ней, рассказывала о зелёных холмах Уэльса, где могла свободно носиться на своём красавце Громе (где-то он сейчас?). О событиях, связанных с её неудавшимся браком и последующем бегстве она предпочитала не говорить — очень тяжело и больно было это всё вспоминать. По вечерам она любила играть в шахматы с рыцарем и значительно усовершенствовала своё мастерство. Отец когда-то научил её этой игре, и ей понравилось. Иногда по вечерам вся семья слушала музыку. Дочери Вудвила Дженни и Этель хорошо пели, а юный сын Трентон наигрывал на лютне.

Это были очень приятные вечера, спокойные и полные тепла. Вала любила слушать рассказы сэра Саймона о здешних местах и особенно о тех, куда ей придётся держать путь дальше.

Время шло незаметно. Вала окрепла и похорошела. Раны, нанесённые ей, потихоньку затягивались, хотя она знала, что никогда не

забудет свою светловолосую малышку Уну, и всегда будет помнить отца. В памяти всплывали старая верная Огла, Мэрил ап Томас, дядья и кузены. Это всё её прошлое, к которому теперь нет возврата. А впереди неизвестность, и никто не знает, как закончится её путь, где находится место, которое она сможет назвать своим домом.

Весна в этом году выдалась ранняя и дружная. Как только дороги просохли настолько, что по ним можно было передвигаться, сэр Саймон стал готовиться в путь. Он брал с собой отряд из дюжины хорошо вооружённых воинов. Для защиты поместья оставались капитан стражи, бывалый и опытный воин, преданный рыцарю и его семье, и с ним ещё двадцать солдат. Кое-кто из челяди был обучен держать в руках оружие. Да и защищено поместье надёжно. Поэтому сэра Саймона больше волновало то, как им самим справиться с поездкой. Путь был неблизкий. Рыцарь не один раз проделывал его, хорошо знал все места, где можно остановиться на ночлег, и женщины с ним ехали не впервые. Но что-то его тревожило в этот раз. И он принял решение ехать не прямым, а окольным путём, ближе к морскому побережью. Это были пустынные места, монастыри и постоялые дворы здесь встречались куда реже, но зато и меньше была вероятность нежелательных встреч. Леди

Сесили во всём поддержала мужа. Она тоже чувствовала какое-то неясное беспокойство и готова была терпеть неудобства более дальней дороги по мало обжитой местности.

Ранним весенним утром отряд тронулся в путь. Священник поместья отец Иствин благословил отъезжающих и долго ещё провожал их взглядом со сторожевой башни, куда поднялся вместе с молодым господином. Трентон был ещё совсем юным, но уже чувствовал свою ответственность за оставленное на его попечение поместье. Он был очень горд этим. Глядя вслед отцовскому отряду, мальчик с удовольствием думал о том, что теперь-то уж заставит капитана стражи дать ему оружие. Сейчас он здесь господин. А священник думал об этой странной молодой леди, которая появилась так неожиданно и теперь уехала вместе с господином и его женой. Что-то она скрывала. Но что?

Несмотря на то, что весна только наступала, зелень отчётливо пробивалась из земли, а кое-где видны были первые цветы, кажущиеся удивительно яркими после зимней стужи. На этой красоте отдыхал взгляд. А когда впереди показалась небольшая берёзовая роща, нежность первой зелени на деревьях радовала не только глаза, но и душу.

Вала неспешно ехала на серой в яблоках кобылке, которую отдал в её распоряжение сэ

Саймон. Она сразу назвала её Ласточкой. Будучи прекрасной наездницей, Вала получала большое удовольствие от этой поездки. Солнце, тепло, пьянящий воздух и ощущение безопасности — ведь она ехала под защитой такого хорошо вооружённого отряда под командованием опытного и знающего эти края рыцаря. Ей неведомы были опасения сэра Саймона и предпринятые им меры безопасности. Она была спокойна и даже впервые за последние месяцы весела.

Леди Сесили, поглядывая на свою гостью, была довольна — пусть девочка хоть немного отдохнёт душой, кто знает, какие ещё испытания ждут её впереди. Муж обещал ей узнать через надёжных людей, кому можно верить дальнейшую судьбу Валы, чтобы спрятать её как можно дальше и как можно надёжнее от мстительного принца. Но здесь нужно было проявить большую осторожность, и леди опасалась мужского вероломства. Многие мужчины из тех, кого она знала, были способны предать даже близкого друга, если это сулило выгоды им самим. Поэтому Леди Сесили намеревалась, прежде всего, поговорить с леди Анной и матушкой Джулианой.

Тим тоже был весел. Ему дали достаточно резвого коня буланой масти, и это было намного лучше, чем ехать на муле. Мулов они оставили в поместье сэра Саймона — они были лишними в

этом боевом отряде. Даже Иста ехала на рыжей кобыле со светлым длинным хвостом. Единственное, что показалось мальчику странным, это направление, в котором они двигались. По его пониманию, ехать нужно было на север, а они двигались в сторону побережья. Куда? Не выдержав сомнений, Тим обратился с этим вопросом к молодому воину Сэмюэлу, с которым установил добрые отношения, помогая в уходе за конём. Сэмюэл пояснил ему, что господин опасается людных мест и больших дорог, и поэтому они двигаются к Йорку в обход, забирая на восток в менее людные края. Это удлинит им время в пути, но сделает дорогу более безопасной. Такая осторожность была Тиму по душе. Он успокоился, но, тем не менее, зорко поглядывал по сторонам, не полагаясь целиком на наблюдательность воинов рыцаря.

День за днём продолжался путь на север. Ехали не слишком быстро, так как женщины всё же были менее выносливы, чем закалённые в походах воины. Ночевали не всегда под крышей. Но погода, к счастью, стояла сухая и солнечная. Устраивая ночлег, опытные воины, прежде всего, заботились об удобстве госпожи и её гостыи. Кормились в пути тем, что взяли с собой, дополняя запасы охотой. Здесь очень хорошо показал себя Тим — он был быстрым и сообразительным и хорошо стрелял из

лука. Но больше всего удивила спутников Вала, когда, взяв в руки оружие, легко подстрелила двух больших уток над озерком, мимо которого проезжал отряд.

Когда разразилась первая весенняя гроза, путники были, к своему счастью, недалеко от маленькой мужской обители, где смогли, по крайней мере, спрятаться под крышей от мощных дождевых струй, обрушившихся с неба. Потом, правда, пришлось ещё день пережить, пока подсохнет сразу размокшая дорога. Но конец их пути уже был недалек.

И вот, наконец, на закате дня перед ними возник Йорк. Это был величественный город — город с многовековой славной историей, как узнала Вала от своих спутников. Его возвели ещё древние римляне, сделав столицей североевропейских территорий своей империи. Здесь бывали императоры Адриан и Септимий Север, здесь скончался Констанций Хлор, а его сын Константин Великий был провозглашён новым римским императором. Несколькими веками позже город стал центром христианства Северной Англии. Кафедральный собор возник ещё пять веков назад, епископ Полинус крестил здесь короля Нортумбрии Эдвина и вскоре стал первым архиепископом Йоркским. Город пережил датское владычество и неоднократно подвергался атакам норманнов.